

Колдовские Миры

БОЛЬШАЯ И ГРЯЗНАЯ ЛЮБОВЬ

АННА ГАВРИЛОВА

Annotation

Большая и чистая любовь? Здорово, конечно, но когда тебе тридцать, в сказки уже не верится. В принца на белом коне — тоже. В тридцать волей-неволей начинаешь смотреть на жизнь с изрядной долей скепсиса и чем дальше, тем яснее понимаешь — скепсис оправдан.

А любви все равно хочется. Пусть не большой, а маленькой. Пусть не чистой, а... ну хоть какой-нибудь!

Именно так рассуждала Крис, она же Кристина Новикова, грустно сидя у подъезда на лавочке с бутылкой брюта, и даже не подозревала, что ее желание уже исполнилось. Вот только исполнилось как-то странно. Потому что с утра обнаружилось, что к любви прилагается новый гардероб, новая работа, самодур-шеф и... четкое ощущение грандиозной подставы...

Анна Гаврилова

Большая и грязная любовь

Никогда не пила на улице. Тем более шампанское. Тем более теплое. Да еще из горла! Но после встречи с девчонками такая тоска накатила, что, вывалившись из такси, не домой свернула, а к супермаркету. Взяла бутылку «брюта», и вот.

Если мама, упаси бог, застукает меня за этим занятием — запилит насмерть, но перемещать свои кости к соседнему подъезду совершенно не хочется. К тому же там лавочка без спинки и фонарь не горит, а на улице темно-о-о...

— Девушка, с вами все в порядке? — спросил проходивший мимо собачник.

Я как раз новый глоток делала — захлебнулась, закашлялась и мысленно послала сердобольного прохожего по известному адресу.

— Ну, прости, — останавливаясь, хмыкнул он. Псина — огромная, но, похоже, безродная, грозно рыкнула.

— Ага, — пробормотала я, старательно вытираясь рукавом. На фига, спрашивается, ветровку стирала?

Псина рыкнула повторно, а я подумала и мякнула в ответ.

— М-да... — заключил собачник.

Махнула рукой — мол, иди, не мешай. Но прохожий оказался на редкость приставучим. Спустил дворнягу с поводка и, едва пес скрылся в ближайших кустах, плюхнулся на лавку.

— Дай попробовать, — сказал он и потянулся к бутылке.

Я машинально отодвинулась.

— Ага, щас!

Не ответил, а я же мысленно чертыхнулась и отодвинулась еще дальше.

— Кри-ис... не жадничай.

— Э... Мы знакомы?

Окинув собачника пристальным взглядом, я пришла к выводу, что вижу его впервые. Хотя... может, и знакомы. Внешность у мужика совершенно непримечательная — весь какой-то типический-типический. Да и псина у него невыразительная, хоть и большая.

— Почти, — «обрадовал» собеседник, а до бутылки все-таки дотянулся. Потом кивнул на мои голые ноги, спросил: — Не холодно?

Вообще-то не жарко — вечер как-никак, да и лето, если верить календарю, еще вчера закончилось. Но не в джинсах же мне идти было.

— Чего надо? — невежливо буркнула я.

— Да просто мимо проходил, — пожал плечами безымянный, приложился к горлышку. — Фу! Да оно же теплое!

— Ну извини... те.

— Можно на «ты».

Угу. Можно, но не нужно.

— Так что случилось? — спросил незнакомец. — Почему пьем?

Очень захотелось послать его в третий раз, только уже не мысленно, а вслух. Но мужчина заглянул в глаза, и во мне что-то переменялось. Вернее — в голове что-то щелкнуло, рот сам собой открылся, а с языка сорвалось:

— Да потому что дура!

— А... поподробнее? — вкрадчиво спросил собачник.

— Ну я же с самого начала знала — не нужно на эту встречу идти!

— Какую встречу?

— С девчонками! С одноклассницами! — Мужик глядел на меня с таким участием, что не выдержала и выдала все свои тайны разом: — Мне тридцать, понимаешь? И я не замужем, и без детей, и вообще! А они все... А я...

— Завидуешь?

— Нет. Да. Ну...

Фух, ну как объяснить? Да еще мужику? Не завидую, разве что чуть-чуть. Просто жалко себя стало. Так жалко, что даже всплакнула в такси.

— А что мешает? — не унимался собеседник.

— То же, что и танцору, — пробормотала я, решительно отбирая «брют». Фига-се он попробовал! Да тут уже на доньшке!

— То есть ты любовь ждешь? — догадался незнакомец. Вернее, уже не незнакомец, а собутыльник, но это неважно. — Большую и чистую?

Не зря шампанское охлажденным пьют — когда теплое, от него совсем крышу сносит. В трезвом состоянии я бы такого не сказала:

— Я даже на маленькую и грязную согласна, веришь?

У мужика чуть рот от улыбки не порвался.

— Неа, не верю.

— Зря!

Улыбка собачника еще шире сделалась, хотя казалось — куда уж?!

— Зря? — явно сдерживая хохот, переспросил он. Потом причмокнул и выдал: — Маленькую предложить не могу, а вот большую... Большую и грязную, а?

— Ага! — пить и кивать одновременно очень неудобно, но я справилась. — Можно две!

Все-таки не выдержал, засмеялся.

— Нет, две — перебор. Одна! Но большая...

Махнула на него рукой — мужчины! Ничего в загадочной женской душе не понимают. Впрочем, какая на фиг разница? Все равно треп. Простой треп и ничего кроме.

Глава первая

Будильник выдернул из какого-то ну о-очень хорошего сновидения. Нет, сон я, увы, не помнила, но улыбка от уха до уха на лице имелась.

Перевернувшись на живот, зарылась лицом в подушку в надежде поспать еще пять минут, но... не повезло.

— Кри-ис! Кри-и-ис! У тебя совесть есть? — Мама кричала с кухни.

Я честно покивала и закрыла глаза, но родительница принялась греметь посудой и... в общем, встать все-таки пришлось.

Неосознанно подражая зомби, доплелась до ванной. Умылась, почистила свои 32 (на самом деле 28, но это мелочи), попутно отмечая, что похмелья как бы и нет. Пристально осмотрела прическу и пришла к выводу, что вчерашняя укладка пострадала не сильно, так что голову можно не мыть.

Впрочем, ее вообще мыть не обязательно — в нашей убогой конторе на такие мелочи внимания не обращают. Наши мальчишки только в монитор смотрят, а единственная девочка — Мария Сигизмундовна, шестидесяти трех лет от роду — в наш кабинет вообще не заходит. Мы с ней только в день зарплаты и на корпоративах встречаемся.

— Кри-и-ис!

— Да, да! Иду!

Мимходом заглянула в кухню — на столе уже дымилась миска овсянки. Я закатила глаза и скривилась — два месяца назад мама прочитала очередную книжку о здоровом образе жизни, и вот. Тот факт, что мой желудок просыпается только к обеду, а завтраком (любым!) банально давлюсь, ее не заботит.

— Крис, ну сколько можно ждать! — возопила родительница. — На работу опоздаешь!

Ну и что? У нас все опаздывают. Это часть корпоративной культуры.

Мысленно ворча, я вернулась в комнату, отодвинула створку шкафа-купе, и... а вот тут меня накрыл шок. Полный и всеобъемлющий.

— А... а это что? — пробормотала я. Потом все-таки опомнилась, заорала: — Ма-ам!

Мама на зов не спешила, я же глядела на ровные ряды вешалок и медленно зверела.

Убью! Нет, знаю, что о маме так нельзя, но убью! Прямо сейчас! И с особой жестокостью!

— Что? — В дверном проеме появилась стройная женщина в аляповатом домашнем халате и бигуди. Лицо моей... чересчур заботливой родительницы, покрывал густой слой сметаны — обязательная утренняя маска.

Я вдохнула поглубже, потом выдохнула и спросила, стараясь не шипеть и не плевать:

— Мамочка, а где моя одежда?

Родительница одарила озадаченным взглядом, сделала шаг вперед, чтобы заглянуть в шкаф.

— Как где? Вот.

Ее недоумение было настолько искренним, что я растерялась. А мама развернулась и как ни в чем не бывало отправилась на кухню. Только бросила через плечо:

— Пить надо меньше.

Пить? О черт! Во сколько я вчера пришла? Ай...

Мысли о встрече с одноклассницами и задушевных разговорах на лавочке были

решительно отброшены, я же не менее решительно направилась за мамой.

— Где мои джинсы?

Вот теперь на меня смотрели пристально, с явным осуждением.

— Что? — не выдержала я.

— Крис, я все понимаю, но если ты не прекратишь...

И все-таки я зашипела. Нет, ну сколько можно? Мне тридцать лет! Тридцать!!! Я взрослая девочка, и воспитывать меня ПОЗДНО! Тем более такими варварскими методами!

— Я прекрасно осведомлена, что тебе не нравится, как я одеваюсь, где работаю, как провожу свободное время, но... мама, ты перегнула!

Лицо, покрытое слоем сметаны, вытянулось.

— Крис, ты о чем? Мне все нравится...

Это был двойной перегиб. Запредельный.

В комнату я вернулась разъяренной фурией, схватила первую попавшуюся вешалку, бросила на кровать. Стянув пижаму, выхватила из ящика для белья трусики, втиснула в них свою красоту. Столь же стремительно застегнула бюстик (незнакомый, кстати) и попыталась отыскать колготки. Не нашла! Зато на полке, соседствующей с ящиком для белья, обнаружилась целая стопка новеньких, нераспечатанных упаковок с чулками.

Ну мама! Ну... ну ладно!

Несмотря на кипящий в крови адреналин, чулки натягивала осторожно, подтягивала еще осторожней. После упаковалась в деловой юбочный костюм стального цвета и выругалась в голос — просто крой жакета не предполагал наличие под ним блузки. Да и не было в шкафу блузок! Зато были туфли... Пар пятьдесят, не меньше. Как они уместились — ума не приложу, но стояли же.

— Ну мама... ну погоди!

— Крис, хватит! — В голосе возникшей на пороге мамули слышались гневные нотки. — Не знаю, чем вы там вчера занимались, но если не перестанешь...

Кажется, это я уже слышала.

— Если не перестану, то что?

— Я Глебу Игоревичу пожелаю, — выдохнула родительница.

— Кому-кому?

Мама не ответила — вздернула подбородок и удалилась. Кажется, мы поссорились окончательно.

Что ж, не впервой. Но пугать меня какими-то Глебами Игоревичами... Черт, ну ведь это глупо! Лучше бы Змей Горынычем пригрозила — о нем, в отличие от Глеба Игоревича, я хотя бы слышала!

Туфли тоже первые попавшиеся схватила. Потом забросила пару в дальний угол и вытащила из шкафа правильные, под цвет костюма. Зато сумочку (а сумок тоже было в избытке, как полка не обломилась — не знаю) выбирать не пришлось. Сумочку мамочка уже собрала! Только мобильный забросить осталось.

Накрасилась я по привычке, и только потом подумала — зря. Нужно было идти без грима, чтобы... да просто из вредности! О, черт! Как же все это бесит!

Вылетая на лестничную клетку, я все-таки нашла плюс в сложившейся ситуации — овсянка. В кои-то веки мне не пришлось давиться завтраком.

День обещал быть солнечным, но порадоваться этому факту я не смогла.

Во-первых, у подъезда припарковался какой-то козел на черной навороченной тачке — кого ждал, не знаю, но если узнаю... дверь валерьянкой оболую! Пусть дворовые кошечки порадуются.

Во-вторых, я представила путь до метро и ужаснулась — нет, я, конечно, ношу каблуки, но не пятнадцать сантиметров! На таких не ходить, а ноги ломать. Ну или на тачках, вроде той, на которой козел приехал, кататься.

В-третьих, я вообразила поездку в метро... и снова помянула недобрым словом козлов на тачках, ну и мамочку, которая решилась на столь садистскую диверсию.

А в четвертых... я чувствовала себя падшей женщиной. Из-за чулок, разумеется. Хоть убейте, но приличные женщины чулок не надевают, разве что по праздникам. А в остальное время они носят колготки!

Погруженная в собственные переживания, я с трудом обогнула черного отполированного монстра и, стараясь не материться вслух, подефилировала к метро.

Сзади загудели.

Да, да! Знаю, что юбка коротковата и обтягивает бедра слишком сильно, но простите, не было у меня времени и настроения подбирать что-то попримочней.

Как ни странно, телепатией неведомый автолюбитель не владел — тишину нашего дворика нарушил очередной гудок.

Безумно хотелось повернуться и показать настырному водиле средний палец, но я сдержалась. Ну его. Погудит и отстанет.

Не отстал...

Шелеста шин не слышала, но в том, что озабоченный автолюбитель едет за мной, сомнений не было — звук клаксона не удалялся, наоборот. Попой чувствовала — это тот самый, на черном монстре, которого пришлось обходить, прижимаясь к заборчику соседского цветника. В глубине души вспыхнул огонек злорадства — так ему! Пусть помучается!

Я даже успела повеселеть и исполниться гордости, когда козел — да, да, тот самый — ударил по газам, хитро обогнул припаркованный у обочины джип и подрезал не ожидающего такой подлости пешехода. То есть меня.

И ведь чуть не задавил! Я ж как раз на соседний тротуар перейти собиралась, чтобы на тропинку к метро свернуть.

Монстр застыл. Задняя дверь распахнулась и передо мной возник... Нет, не возник. Возникла! Передо мной возникла гора.

Она была облачена в белоснежную рубашку, брюки и туфли, одного взгляда на которые достаточно, чтобы понять — мне столько за всю жизнь не заработать. Гора обладала пронзительными зелеными глазами, мускулатурой, которую никакая ткань скрыть не может, и коротким ежиком черных волос. От нее веяло каким-то невероятным парфюмом, и... о, черт!

— Крис, как это понимать?

Гора пребывала в недоумении и, кажется, горе это состояние было несвойственно. А я не имела привычки тарашиться на мужчин, но ведь тарашилась!

— Крис... — снова позвал незнакомец.

Огонек злорадства погас, на его месте вспыхнул другой — малопонятный, но очень горячий.

— Мы знакомы? — Кажется, этот вопрос кому-то уже задавала, причем недавно.

— Кри-ис... — судя по тону, гора расслышала в моем вопросе-ответе нечто такое, чего там и в помине не было. И даже какие-то выводы сделала. — Крис, садись в машину.

Я? В машину? Зачем?

Зеленоглазый незнакомец шагнул в сторону и повторил:

— Крис, в машину.

Мозг сработал быстро: незнакомая машина с водителем, незнакомый мужчина ужасающих габаритов и финансовых возможностей, приглашение, и я — обычная девушка без связей и «крыши». Вывод? Нужно бежать! Бежать без оглядки!

И я бы побежала, невзирая на каблуки и узкую юбку, но ноги сами понесли вперед. Опомниться не успела, как очутилась в салоне, на кожаном сиденье черного монстра.

— Доброе утро, Крис, — тихо сказал водитель. Причем прозвучало это так, будто он со мной каждый день здоровается.

— Э...

Гора захлопнула дверцу, а через несколько секунд втиснулась в другую — ну ту, которая с противоположной стороны расположена. Черный монстр бесшумно тронулся с места, преодолел сотню метров, которая отделяла от проспекта, и плавно встроился в утренний затор.

— Ненавижу твой район, — процедила гора. Потом сверкнула зелеными очами и добавила: — Крис, может хватит? Мое терпение не безгранично. Не заставляй меня уподобляться варвару.

— Э... что?

— Переезд, Крис, — пояснил зеленоглазый. — Или ты переезжаешь ко мне добровольно, или я тебя похищаю. Выбирай.

Мне ведь послышалось, правда?

Вопросов «кто я» и «где я» не возникло.

О том, кто я такая, помнила прекрасно. Я — Кристина Новикова, тридцати лет от роду, работаю оператором в фирме по ремонту компьютеров и бытовой техники, живу с мамой, имею определенное количество друзей обоих полов, не замужем.

Где я оказалась? Ну тоже ясно. Глубину этой попы я определила как значительную.

Дальнейшие события только подтвердили мой вывод.

Спустя час толкотни в пробках, машина въехала в центр города, прокралась по одной из узких улочек и свернула на широкую парковку. Парковка примыкала к монстру из стекла и бетона, ввинченному между старинных особняков.

Мне помогли выбраться из машины, насильно водрузили мою ладошку на согнутый локоть и повели к вертушке дверей. У входа в бизнес-центр толпились клерки и охранники, поэтому я решила не паниковать и сцен не устраивать — ну по крайней мере пока.

Вот так, опираясь на руку зеленоглазого незнакомца, миновала шикарный холл, отделанный мрамором и дорогими породами дерева, прокатилась на столь же роскошном лифте и осознала себя у стойки ресепшена.

— Доброе утро! — Блондинка в строгом костюме лучезарно улыбнулась. Причем не только горе, но и мне. Потом выложила на стойку худенькую стопку документов.

Почему я взяла эти бумаги? Понятия не имею! Но никто не возражал...

Зеленоглазый переместил свою руку на талию, приобнял самым что ни на есть привычным образом и повел дальше. Миновав еще один ресепшен, возле которого

располагались диванчики для посетителей, мы вошли в просторный кабинет.

Противоположная стена была полностью стеклянной. В глубине кабинета стоял массивный стол, явно хозяину сей обители принадлежащий. Чуть в стороне — еще один, поменьше и покомпактней. Во всевозможные экстрасенсорные гадости никогда не верила, но чувство узнавания было столь сильным, столь реальным... Второй стол — мой. Зуб даю!

Справа от нас обнаружился диван, пара кресел и журнальный столик. Рядом барный шкаф. Слева заметила еще одну дверь, и я точно знала — там ванная комната. Не санузел, а именно полноценная ванная комната с ну о-очень большой душевой кабиной.

Не успела я изумиться, как дверной замок щелкнул. Худенькая стопка документов была изъята из моих пальцев и небрежно отброшена. Листки разлетелись и плавно осели на темный паркет, а я оказалась прижата к деревянной створке двери.

— Кри-ис...

Желания и намерения зеленоглазого не только осознала, но и почувствовала. Они были, мягко говоря, внушительными.

— Кри-ис... — снова прошептал зеленоглазый и прильнул к губам.

Отвернуться не успела, поэтому пришлось притвориться замороженной рыбой и дожидаться, когда гора осознает, что поцелуй односторонний.

— Кри-ис, — в голосе незнакомца появились нотки обиды. — Кри-ис...

А потом его нога протиснулась между моих коленок и... в общем, надо что-то делать, пока не поздно.

— Я не могу!

Брюнет замер, заглянул в глаза.

— У меня... э... — нет, сказать незнакомому мужчине, что у меня критические дни, — стыдно. Даже с учетом того, что дни вымышленные. Другие аргументы не столь весомы, но придется рискнуть. — У меня настроения нет.

Он вопросительно изогнул бровь, но отстраниться даже не подумал.

— Крис, — ох, как интимно мое имя прозвучало! — Крис, если это из-за Мегеры, то повторяю: между нами ничего нет, не было и никогда не будет.

Понятия не имею, откуда что взялось, но я точно знала — Мегера не определение и не прозвище, а имя.

— Кто такая Мегера?

Зеленоглазый чуток отодвинулся и окинул сердитым взглядом.

— Кри-ис, хватит дуться.

Вывод неправильный, но это неважно. Важно то, что насиловать меня явно не собираются.

Вздыхнув поглубже, я осмелела настолько, что решилась задать самый главный вопрос:

— А вы? Вы кто такой?

Губы незнакомца скривились в усмешке. Он выдержал паузу, потом выпустил из захвата и сказал:

— Ясно. — И уже направляясь к рабочему столу, продолжил: — Ясно, розочка моя. Нет так нет. Но учти, если сегодня кто-нибудь пострадает, в этом будешь виновата ты.

Ну ничего себе заявленьице!

— Эй! — воскликнула я возмущенно.

Зеленоглазому мое возмущение было до фонаря.

— Время, Крис, — стукнув ногтем по стеклышку наручных часов, сказал он. — У нас

переговоры через час.

Мне кажется, или минуту назад его эти переговоры не заботили?

— Крис, работать! — ровным, но довольно-таки требовательным тоном добавил... шеф? Он мой шеф?

Ладно, разберемся. Вот прям щас и начнем... разбираться!

Тяжело вздохнув, я одернула юбку и принялась собирать разбросанные по полу бумаги. На одном из листков с оформлением, характерным для заявлений и служебных записок, прочла: «Генеральному директору ООО „С.К.Р.“, Вознесенскому Г. И.».

Та-ак... А какого такого Глеба Игоревича упоминала мама?

Подобрав последнюю бумажку, я поймала на себе пристальный, плотоядный взгляд зеленых глаз и нервно сглотнула. Ну да, могла бы догадаться, что нагибаться, когда на тебе короткая юбка, несколько опасно.

Одернув оную часть гардероба еще раз, задрала подбородок и гордо проследовала к «своему» столу. На отполированной глади столешницы присутствовали только телефон и ноутбук.

Стараясь не удивляться нездоровому порядку, опустилась в кресло и открыла крышку ноута. Короткая мелодия загрузки операционной системы, несколько нехарактерных щелчков, и на экран выскочило окно с требованием пароля.

Я откровенно растерялась и приготовилась запаниковать, но пальцы сами потянулись к клавиатуре и стремительно набили нечто ну очень заковыристое — с цифрами, переключением шрифта и регистра.

Пароль система проглотила, и на экран вылезла заставка, от которой... в общем, у меня челюсть отпала и глаза едва не лопнули.

Вместо приличных для офиса пальм-котят-бабочек, с экрана глядел он! Ну тот, который Глеб Игоревич, предположительно.

Фотка непрофессиональная, но брэнет позировал. Он лежал на диване — к счастью, не на том, который в противоположном углу кабинета стоит, — и хищно улыбался. Компрометирующая часть тела была прикрыта не то маленьким полотенцем, не то салфеткой, а все остальное... Мама, вот это мускулатура! И кожа такая — мм...

— Кри-ис... — позвал брэнет. Я аж подпрыгнула. — Крис, я тебе письмо отправил.

Машинально ткнула мышкой в значок «Outlook», дождалась, когда программа проглотит отдельный пароль, и тихо выдохнула. Глеб! Да, его все-таки Глебом зовут!

А писало «мое» начальство следующее: «Документы по делу Данилова где? Кстати, клевые трусики. Новые?»

Я откинулась на спинку кресла и уставилась на брэнета. У него рентгеновское зрение, да? В смысле — нагибаться-то я нагибалась, но не до такой степени.

— Документы по Данилову, — вслух напомнил... Глеб.

И снова это странное чувство узнавания — я потянула второй ящик стола, вытащила нижнюю из сложенных стопкой папок и встала.

Зеленоглазый делал вид, что моя грациозная походка его не волнует — сидел, уткнувшись в монитор, и хмурился. Но стоило водрузить документы на краешек его поистине огромного стола, возмутился:

— Крис, у меня не настолько длинные руки.

Знала, что подчиняться не следует, но все-таки приблизилась. В тот же миг горячая

ладонь накрыла одно из полупопий, а хрипловатый голос приказал:

— Доложи!

— Глеб!

Вот теперь он соизволил оторваться от экрана и взглянуть на меня.

Вообще, когда мужчина смотрит на тебя снизу вверх, есть в этом нечто... особенное. А когда в его глазах горит неподдельная страсть, смешанная с упрямством...

— Ну нет у меня настроения, понимаешь?

— Кри-ис...

Так, кажется, я начинаю жалеть, что поддалась непонятному порыву и позволила заманить себя в этот странный офис.

— У нас переговоры через час! — нашлась я.

— Через пятьдесят три минуты и десять секунд, — невозмутимо ответили мне и притянули ближе. Зубами приподняли край юбки и... я не выдержала.

— Глеб, прекрати!

Прекратил. Отпустил. И даже отстранился.

— Ладно, розочка моя. Так и быть.

Брюнет снова уткнулся в монитор, я же спешно вернулась на рабочее место. И лишь опустившись в кресло поняла, что сердце хочет выпрыгнуть из груди, а ноги слегка дрожат. Когда меня в последний раз вот так трогали? А когда я последний раз занималась... ну тем самым?

Обнаженного Глеба Игоревича с рабочего стола пришлось удалить. Просто когда тебе хищно улыбается такой мужчина, даже привычную работу выполнять сложно, а уж расследование вести... Впрочем, я, кажется, усложняю — расследовать тут ничего не нужно, достаточно сделать один телефонный звонок, и мне все-все расскажут.

Выхватив из сумочки мобильный, я с сомнением взглянула на новоявленного шефа и очень четко осознала — выходить из кабинета нельзя. Вернее — выходить с мобильным нельзя. Даже в ванную.

Пришлось набрать эсэмэс...

Мама, конечно, по-прежнему обижалась, но не перезвонить после такого сообщения не могла.

— Крис, ты в порядке? — Голос в трубке взволнованным не казался. Мою эсэмэску приняли за шутку или блажь.

— Не совсем, — ровно ответила я.

Телефонный разговор отвлек Глеба от созерцания экрана. Он окинул внимательным, чуть удивленным взглядом, потом и вовсе бровь приподнял. Я пояснять свои действия не собиралась и вообще отвернулась.

— Мам, просто ответь, и все.

— Издеваешься? — Родительница явно опешила.

— Нет.

Повторить вопросы вслух было бы верхом глупости, пришлось изгаляться.

— Мам, я серьезно. И я очень хочу, чтобы ты ответила сейчас. Это важно.

Мама зависла минуты на полторы. Все это время я чувствовала на себе пристальный, настороженный взгляд, но сдаваться не собиралась.

— Глеб Игоревич твой шеф, — наконец, выдала мама. Это был ответ на первый вопрос — кто он, собственно говоря, такой.

— Ага, я так и думала... А дальше?

— Крис? — Вот теперь она действительно встревожилась. — Крис, вы поссорились?

Или... Что происходит?

— Мам, просто скажи. Я очень хочу знать твое мнение.

— Мнение? Ах... он рядом, да?

— Ну разумеется.

В трубке вздохнули и признались:

— Между вами служебный роман, уже полгода примерно. А намерения у Глеба Игоревича самые серьезные. — Мама издала еще один тяжелый вдох, а потом добавила совсем другим тоном: — Крис, если ты его бросишь, ты мне не дочь, поняла?!

У меня прям-таки челюсть отпала.

— Что-о?..

— Что слышала! — выпалила родительница. — Не знаю, чего ты сейчас добиваешься, но Глеба бросать не смей! Таких мужчин — один на миллиард! Ты будешь полной дурой, если...

— Стоп, стоп. Хватит.

Мама замолчала, а я задумалась. Выходит, это не глюк? И я действительно работаю в каком-то ООО «С.К.Р.», сплю с собственным начальником, и... и все это с одобрения мамы? Черт. Первое и второе я еще способна представить, а вот третье...

— Мам, а ты в самом деле не против?

Родительница не выдержала и бросила трубку.

Предчувствие, что сбежать с мобильным нельзя, подтвердилось. Едва отложила телефон, зеленоглазое начальство хмуро поинтересовалось:

— У тебя появились секреты?

Какой догадливый. Да, появились. Вернее — у меня появился один, но очень большой секрет и тьма вопросов.

— Глеб, я говорила с мамой.

По мне, такой ответ объясняет и оправдывает все. С мамой можно! Но новоявленный... хм... любовник считал иначе.

— О чем?

— О своем, о девичьем.

— А именно?

— Глеб!

Шеф нахмурился и смерил таким взглядом, что... в общем, если выяснится, что он и впрямь обладает рентгеновским зрением, не удивлюсь.

В надежде избежать допроса, вернула на экран окно «Outlook» и притворилась, что погружена в чтение. На самом деле искала ответ на вопрос — а кем я, собственно, работаю. Ответ нашелся почти сразу, в подписях к отправленным мной письмам значилось: «Ассистент генерального директора ООО «С.К.Р.», Новикова Кристина». М-да, предсказуемо, но логично.

От разглядывания экрана отвлек громкий хлопок. Я подняла голову, чтобы узреть, как мой зеленоглазый шеф наполняет бокал. Шампанское, с утра?

Алкоголь, как ни странно, предназначался мне.

— Крис, расслабься, — сказал брүнет, водружая бокал рядом с моим ноутбуком.

И вот глядя на поднимающиеся со дна пузырьки, я вспомнила лавочку, освещенную скудным фонарным светом и собачника, именем которого так и не поинтересовалась.

Мама дорогая... так я что, волшебника вчера встретила? И... любовь? Большую и... черт!

Не знаю, что такого особенного отразилось на моем лице, но Глеб Игоревич хмуриться перестал. Он улыбнулся. Причем так, что мурашки не только по спине — по всему телу побежали. Где-то в глубинах организма вспыхнул огонек, а интуиция услужливо подсказывала — с таким, как Глеб, только грязная любовь и возможна.

— Но у нас же переговоры, — нервно сглотнув, пробормотала я.

— И что?

Против такого аргумента переть трудно, да и ситуация из тех, что без бутылки не поймешь. Поэтому одарила шефа благодарной улыбкой и приняла бокал.

В переговорную я входила в самом благостном расположении духа. Три бокала шампанского как-то ну очень быстро убедили, что Глеб Игоревич не мерещится, а вчерашний волшебник... Черт! А почему нет? Почему со мной не может случиться что-то из разряда этаких чудес? Чем я хуже?

В общем, я решила расслабиться и попробовать получить удовольствие. От жизни вообще и ситуации в частности.

Глеб Игоревич перемены в моем настроении точно заметил, но приближаться не спешил. В смысле, грань дозволенного не переходил. Зато легкая улыбка, частые взгляды и тяжелые вздохи подсказывали — шеф не отступится. Что ж, не могу сказать, что расстроена. Мы же любовники, верно? И мама одобряет...

Усаживаясь за стол, по правую руку от Глеба, я в который раз скользнула взглядом по его фигуре. Массивный, мощный, с узкой талией и не менее узкими бедрами. О том, что на его животе имеются кубики, я еще по фотке помнила — жаль, не успела пересчитать.

— Крис, соберись, — шепнуло начальство.

Едва я поверила в строгость тона и серьезность ситуации, почувствовала прикосновение к коленке. А спустя мгновение поняла — Глеб очень целеустремленный человек. Его рука не стесняясь скользнула под юбку и замерла в жалком сантиметре от самого дорогого.

— Глеб!

Мое возмущение прервал звук отворяемой двери. На пороге появилась секретарша — та, что на втором ресепшене обитала, а за ней двое незнакомцев в строгих костюмах. Один — тучный и низкий, второй — высокий, тонкий, с явными наклонностями метросексуала.

— Добрый день, — поздоровался первый.

Второй просто кивнул и улыбнулся, не разжимая губ.

Глебу пришлось освободить мою... ну почти ногу, из плена. Встать, приветствовать гостей рукопожатием. Я тоже встать хотела, но внутреннее чувство подсказывало — могу ограничиться кивком.

Как только посетители уселись, секретарша внесла поднос с кофе и удалилась. Я же попробовала отодвинуться от Глеба — просто нас от потенциальных клиентов отделял стол, и я уже представляла, во что это все выльется.

Не тут-то было! Стул словно прирос к полу!

Скосив взгляд, обнаружила — зеленоглазое начальство клещом вцепилось в сидушку. Пришлось закинуть ногу на ногу и сделать вид, что мне все фиолетово.

От молчаливой борьбы с шефом отвлекла протянутая визитка. Потом вторая. Я тоже вежливость проявила — открыла ежедневник, достала из специального кармашка свои карточки. Глеб в обмене визитками не участвовал, пристально следил за моими руками. И так увлекся, что метросексуалу пришлось кашлянуть, причем дважды.

— Слушаю вас, — со вздохом сказал Глеб.

Мужчины переглянулись. Вернее пухлый подарил товарищу недоуменный взгляд, а метросексуал едва заметно пожал плечами.

— Мм... — замялся первый. — Мм...

— Нужно устранить конкурента, — ровно сказал второй.

Если бы не шампанское, я бы непременно вздрогнула, а так... вздрогнул только пухлый.

— Физически? — Голос Глеба Игоревича прозвучал еще ровней, чем голос метросексуала.

— Нет, — ухмыльнулся тот. — Обычная временная недееспособность.

Временная что?

Пухлый слегка затрясся, громко сглотнул. Потом водрузил на стол портфель, который все это время сжимал в руках, и извлек простую картонную папку.

А второй продолжал:

— Нам достаточно пары недель. Примерный план уже набросали. Он очень дорожит семьей, но жена, судя по предварительной информации, погуливает. Чем не повод для временной неадекватности?

— Информация про жену неточная, — сказал Глеб, принимая папку. — А если она чиста и невинна?

— Так пусть станет виноватой, — пожал плечами второй.

Я, наконец, сообразила взглянуть на визитки. На обеих красовался логотип довольно известной сети магазинов. Метросексуала Истархом звали, пухлому он приходился советником, ну а сам пухлый... нет, не генеральный, а просто директор. То бишь владелец или один из них.

— Ладно, разберемся... — пробормотал зеленоглазый. — Внешний повод тоже придумаем, не впервой. О расценках знаете?

Заслышав о деньгах, директор смущаться перестал.

— Знаем. Но суммы, которые вы назначаете...

— Я не торгуюсь, — отрезал Глеб.

Пухлый попытался возразить:

— Глеб Игоревич, я все понимаю, но сейчас кризис!

Он говорил что-то еще, приводил доводы и аргументы. Интуиция подсказывала — зеленоглазый не слушает. Просто позволяет человеку выговориться.

Я тоже не слушала, но совсем не потому, что неинтересно. Просто я в это время как замороженная на Истарха смотрела. Советник директора глядел четко на меня, улыбался и водил языком по... Мама! Мне ведь не мерещится! У него действительно клыки!

— Я не торгуюсь, — повторил Глеб и даже папку от себя отодвинул.

— Ну... ну тогда мы подумаем, — заявил пухлый.

Улыбка с губ метросексуала слетела в момент.

— Веня! Я же предупреждал!

И таким тоном это было сказано, что Веня побледнел и снова затрясся.

— Глеб Игоревич, извините, — продолжал тем временем Истарх. — Это недоразумение,

не более. Конечно, мы согласны. И сумму выплатим в срок.

Шеф кивнул столь медленно, столь неохотно, словно выгода — последнее, что его интересует. А потом повернулся к пухлому, сказал:

— Оставьте нас на минутку.

Покидая переговорную, мужчина озирался и нервно поправлял галстук. А едва дверь закрылась... нет, я не успела понять, как это произошло. Просто Истарх оказался распластан на столе, горло метросексуала сдавливала мощная лапища Глеба.

— Ты на кого клыки скалишь, кровосос хренов?! — прошипел шеф.

— Я... — начал было Истарх, но договорить не смог — захрипел.

— Еще раз увижу, знаешь, куда осиновый кол засуну?

— Догадываюсь, — суча ногами по столешнице, просипел Истарх. Он тщетно пытался избавиться от руки Глеба и стремительно серел.

— Не слышу! — прорычал зеленоглазый.

— Я понял! Понял! — взвыл Истарх.

Рука разжалась.

Давешний переговорщик вылетел за дверь быстрее, чем я успела сказать «мяу».

— Совсем распоясались, — процедил Глеб. — Может, охоту объявить, а?

Я промолчала.

Когда вернулись в кабинет, я, помня о недавних событиях, тут же отпрянула от двери и поспешила к своему столу. Вот только в кресло опуститься не успела — Глеб настиг раньше. Инстинкт самосохранения вопил — давать этому мужчине возможность подойти сзади нельзя! Поэтому пришлось повернуться лицом и застыть в надежде, что все обойдется.

Не обошлось.

Глеб подошел вплотную, я неосознанно отступила и уперлась в стол. А в следующий миг меня на этот самый стол усадили и принялись обводить пальцем контур губ. Какое счастье, что за время переговоров всю помаду съела! Иначе была бы сейчас... впрочем, неважно.

— Кри-ис... — прошептал зеленоглазый. — Кри-ис...

Я застонала.

Нет, реагировать на этого мужчину не собиралась — после знакомства с Истархом и его боссом даже мамино одобрение уже не убеждало. Но тело рассудило иначе, ему на вопросы этики и здравого смысла было плевать. По коже словно огненный смерч пронесся, а следующее прикосновение Глеба заставило выгнуться и запрокинуть голову.

Когда его губы коснулись шеи, сознание пронзила страшная мысль — а ведь Глеб тоже не человек. Иначе он бы не смог уложить Истарха на лопатки. Мамочки... а откуда тут вампиры-то взялись? Черт! Они что, в самом деле существуют?

— Кри-ис...

Поцелуй был долгим, глубоким, пьянящим. Я очнулась лишь тогда, когда ощутила руки шефа на своей груди. Он как-то умудрился расстегнуть жакет, теперь поглаживал большими пальцами, изредка проникал под кружево бюстика.

— Глеб... — увы, в моем голосе не только угроза прозвучала.

Юбка была мгновенно задрана едва ли не до пояса. Одна рука шефа легла на попу, вторая устремилась к застегке бюстика.

— Глеб!

Застыл. Всего на миг, но замер. А потом все по новой, только в этот раз до застешки все-таки добрался.

— Глеб!

Глеб не слышал — увлеченно ласкал губами то, что прежде скрывалось за кружевом, и упоенно мял юбку. И так как ноги мои были почему-то раздвинуты, а прижиматься зеленоглазый не стеснялся, уровень мужского интереса был более чем очевиден.

— Глеб, прекрати!

Прекратил. В смысле — целовать прекратил, но прижимал по-прежнему. Поднял голову, и я едва не завизжала. Точно не человек! У людей красных всполохов в глазах не бывает!

— Глеб, я же сказала. Не хочу.

— Хочешь... — хрипло ответили мне и прижали так, что желание, с которым я таки пыталась бороться, усилилось раз в сто. Увы, я точно знала — это не магия, физиология.

— Глеб, я не готова! — Аргумент прозвучал жалко, но хоть что-то.

— Кри-ис...

— Не готова я, понимаешь? Мне... мне работать надо. Вот!

Шеф заломил бровь и выдал:

— Уволю.

Ну ничего себе!

— Глеб...

— Уволю к чертовой бабушке, — убежденно сказал зеленоглазый. — Будешь приходить в этот кабинет по личным делам. С девяти до шести, с понедельника по пятницу. Устроит?

Мм... Если работа мешает чему-то — ну ее на фиг, эту работу? Черт. Неправильно это.

— Не надо меня увольнять.

Ответом стала заломленная бровь и скептическая ухмылка.

— Это почему же?

Потому что когда влипаешь в какую-то дикую историю, постоянный источник дохода точно не помешает. И вообще я намерена жить по накатанному сценарию, только разберусь сперва, что к чему.

— Кри-ис... — вновь позвал шеф. От этих интонаций мурашки по спине побежали, а грудь... Та-ак, пора с этим завязывать. В смысле — застегивать!

Я отстранилась, для чего пришлось практически лечь на стол (кажется, теперь знаю, почему тут, кроме ноутбука и телефона, ничего нет), и попыталась поймать края бюстика.

— Помочь? — прошептал брюнет.

Отличный вопрос, ага. Особенно когда звучит из уст того, кто бессовестно наваливается сверху, лишая всякой возможности застегнуться самостоятельно.

— Глеб!

— Я уже двести лет Глеб, — пробормотало начальство, но бюстик все-таки застегнуло.

Мое изумление потонуло в новом поцелуе, после которого зеленоглазый (вернее, зеленоглазый в красную крапинку, но это мелочи) таки отступил.

Застегивать жакет и одергивать юбку, которая в самом деле до пояса задралась, пришлось самой. Под прицелом очень недвусмысленного взгляда.

— Крис, долго дуться будешь? — В голосе Глеба прозвучала ирония, но я точно знала — шеф зол. Выходит, раньше я в близости не отказывала?

— Глеб, ну мы же взрослые люди, верно?

Лично меня этот довод всегда отрезвлял и заставлял задуматься над своим поведением.

На Глеба он произвел совсем иное впечатление:

— Вот именно. И я не понимаю, почему мы, взрослые люди, не можем заняться... взрослыми вещами.

— Потому что мне нужно разобраться с делами.

— Уволю! — складывая руки на могучей груди, прорычал шеф.

— Не уволишь, — буркнула я, гордо усаживаясь в кресло и открывая ноут. — Я слишком ценный кадр.

Была наугад, но в мишень попала. Начальство сморщило нос и отступило, столь же гордо, как и я. Впрочем... выпирающий индикатор мужских желаний картинку несколько подпортил — пришлось прикусить язык, чтобы не съязвить на этот счет.

Итак... расследование продолжается!

Нет, я в самом деле собиралась выяснить что к чему — покопаться в файлах и письмах, влезть в архивы, которых тут с десятков насчитывалось, проверить контакты, но... не случилось. Просто стоило сесть за ноут, в голове что-то перемкнуло и я... в общем, я действительно за работу принялась.

Сперва написала два протокола переговоров с Истархом и его «директором». Один официальный, где просьба значилась как заказ на PR-компанию с целью ослабить конкурента. Второй — реальный, где все было изложено без прикрас, а в отдельной сноске указывалась принадлежность метросексуала к кровососущим.

После, приняв от Глеба Игоревича достопамятную папку, расписала черновой план работы с «объектом» — тем самым конкурентом, которого заказали нашему ООО. Неверность жены значилась как первый из возможных внешних поводов к последующему «нервному срыву». Да, кавычки обязательны, потому что ни о каком срыве речи не шло. Объекту предстояло испытать на себе ментальное воздействие третьего уровня, получить психическую установку орать и чудить в течение двух недель. Старт операции был назначен на 21-е число, с возможным переносом даты — дата к началу каких-то торгов привязывалась.

Закончив с протоколами и планом, принялась разбирать стопку документов, полученных на ресепшене. Там было сложнее — отчеты по нескольким «PR-компаниям», одно заявление о переводе в европейский филиал и служебная записка по судебному делу, смысл которого... Ох, мамочки! Смысл этого дела сводился к тому, что две ведьмы получили взаимоисключающие заказы и вместо того, чтобы решить вопрос «согласно установленной процедуре», развязали войну. Автор служебки просил приобщить к делу запись видеонаблюдения, ну а обращался непосредственно к Глебу. То есть Глеб судьей в этом деле был, или одним из судей.

Увы, задуматься над этой информацией не смогла, по крайней мере на тот момент. Более того — усмехнулась и размашисто написала отказ! Где-то в голове сидела мысль — адвокат пытается заболтать, свести дело к бессмысленной полемике, причем не в первый раз. И для меня это была рутина. Самая рутинная из всех!

Дважды прерывалась на кофе, причем кофе не только себе готовила — Глеб Игоревич тоже удостоился. Наверное, я бы вообще внимания не обратила, но сознание зацепилось за несколько мелких деталек.

Первое — у нас с Глебом была отдельная, личная кофеварка. Она стояла на общей кухне, но единственной, кому разрешалось прикасаться к машине, была я.

Второе — взгляды сотрудников нашего ООО. Мысль о том, что коллеги должны

презирать помощницу или секретаршу, которая спит с шефом, сидела где-то на уровне подсознания, причем держалась крепче сказочной репки. Вот только вышагивая по коридорам, я ни одного неприязненного взгляда не поймала. Более того — коллеги глядели с уважением и улыбались искренне. Словно я... самую важную, самую ответственную в мире работу выполняю.

Третье... Третье — сам Глеб. Ему было совершенно плевать на напиток, но на мое приближение к собственному столу брюнетистое начальство реагировало очень остро. Красные всполохи в глазах уже не вспыхивали, но руки Глеб Игоревич тянул... Мне даже пришлось пригрозить ему опрокинутой на голову чашкой.

Ушел мой зеленоглазый шеф в районе четырех, предварительно заловив меня на выходе из ванной. Приставать не приставал, но нижнюю губу прикусил, и какое-то ругательство на незнакомом языке рыкнул. Я в ответ «козью морду» состроила, тут же вернулась за ноут и погрузилась в изучение планов работы на следующий месяц.

А очнулась лишь тогда, когда в кабинет вломился бритоголовый шкаф и пробасил:

— Крис, извини, но Глеб Игоревич приказал проследить, чтобы ты не засиживалась.

— Что? — недоуменно пробормотала я.

— Домой! — пояснил шкаф и ключами от машины потряс.

— А... Минуточку!

Рука сама потянулась к телефонной трубке, пальцы уверенно отстучали короткий внутренний номер.

— Марин... Марин, ты совсем с ума сошла? — хмуро спросила я.

Марина ответила после недолгой паузы:

— А что не так?

— Ты сдачу аналитики за прошлое полугодие на двадцатое число поставила. Я не успею ее проверить. Давай хотя бы на пару дней перенесем?

На том конце провода воцарилось молчание. Мне оно показалось изумленным, и вскоре догадка подтвердилась.

— Крис! — Марина не говорила, шептала. — Глеб Игоревич поставил крайний срок двадцать первое!

— Тогда на день перенесем. Мало, но хоть что-то. Я двадцатого проверю, а ты двадцать первого сдашь.

— Кри-ис! Ну ты же сама сказала, что двадцать первого нельзя!

— Почему нельзя? — Нет, ну ведь действительно непонятно. И какая вообще разница — двадцатое, двадцать первое...

— У тебя же критические дни начнутся! — все тем же шепотом выпалила Марина.

Она выпалила, а я выпала. При чем тут это? Но в трубку сказала другое:

— А... Прости. Забыла. Тогда... тогда конечно. Будем пытаться. В крайнем случае, — короткий взгляд на шкаф. Не тот, который с напитками, а тот, который бритый и с ключами от машины, — после работы задержаться попробую.

— Крис, миленькая! Попробуй! Ты же знаешь, он нас порвет, если что не так будет!

— Надеюсь, это не в прямом смысле?

Марина (а кто она вообще такая, а?) нервно рассмеялась. Я тоже хохотнула — так, за компанию. А потом совсем не смешно стало. Что это за фигня? Где аналитический отчет и где я?

— Крис... — пробасил шкаф.

— Еще минутку!

Бросив трубку, я открыла расписание Глеба на ближайший месяц. Час назад меня совершенно не смущало, что с двадцать первого по двадцать четвертое — один сплошной пробел, а теперь... теперь еще и план работ открыла и то же самое обнаружила.

Как-то резко вспомнились алые всполохи в глазах, и сила, с которой начальство Истарха к столу прижимало, и... и в голову закралась безумная мысль — а может, мой работодатель тоже вампир? Не беззубый — в том, что зубы у него есть, я уже убедилась, а... специфический какой-нибудь. Иначе с чего такое важное значение красному дню календаря придается?

Вечер я встречала на лавочке возле подъезда. Сидеть просто так было совсем не интересно, но взять с собой книгу или что-нибудь иное, занимательное, не решилась. Лучше поскучать, чем проглядеть.

Да, да! Я ждала собачника! Вглядывалась в каждого прохожего и молчаливо молилась — только бы повезло! Ну и материлась... слегка.

Большая грязная любовь? Хорошо! И даже отлично! Хотя, когда соглашалась, не думала, что все возьмет и сбудется. Но вампиры и ведьмы? Я на такое, простите, не подписывалась. Может, в нашем прекрасном человеческом мире и живут такие, но прежде я о них не знала и как-то не планировала сталкиваться. И наделять свою «любовь» сверхспособностями тоже не просила.

Нет, я не хочу, чтобы жизнь в прежнее русло вернулась, но мне очень, очень-очень, нужны ответы. Осведомлен — значит, вооружен!

На это randevu я надела единственный более-менее простой комплект из нового гардероба — спортивную юбку и маечку. Обувь к этой одежде, увы, не прилагалось, так что туфли а-ля стриптизерша все старушки нашего двора оценили.

Туфли, к слову, ни одной не понравились. Зато оголенные коленки одобрили все без исключения мужчины, даже Сан Саныч — пенсионер с первого этажа — добродушно хмыкнул.

Вот только собачник появляться не спешил...

Когда мир почернел, а над лавочкой зажегся фонарь, я начала коситься в сторону супермаркета. Может, за шампанским сбежать? Ну чтобы как в прошлый раз? А когда решилась на сей отчаянный шаг, из темноты выступила фигура. К сожалению, на типического-типического визитер не тянул...

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросил Глеб.

— Сижу, — вздрогнув, отчиталась я.

Шеф неторопливо приблизился, уселся рядом. На порядочном, целомудренном расстоянии.

— А почему здесь?

Интуиция не шептала, а прям-таки орала — про собачника говорить нельзя! Ну я и соврала:

— С мамой повздорила. Слегка.

Меня одарили насмешливым, усталым взглядом. Вообще, в человеке, который сидел рядом, гиперсексуальный ловелас угадывался слабо.

— Крис, а предупредить не судьба?

— Зачем?

Еще один насмешливый взгляд и тяжелый вздох.

— Затем, что твоя охрана весь вечер очку... э... на взводе.

— Моя кто?

— Розочка моя, только не говори, что ты не знала.

Мама дорогая... кажется, я неверно определила глубину той попы, в которую угодила. Я думала, это горное ущелье, а оказывается — Марианская впадина.

— Крис, пойдём домой, а? — протянул Глеб.

И такие нотки в его голосе прозвучали, что я тут же встала и даже к подъезду повернулась.

— Кри-ис...

— А?

Обернулась, чтобы оказаться нос к носу с Глебом — каблуки неплохо компенсировали разницу в росте, но он все равно выше был. В следующую секунду его ладони легли на талию, а вечернюю тишину огласил стон:

— Кри-ис...

И мир перевернулся.

Вернее, это я перевернулась — одним легким, едва уловимым движением, шеф закинул на плечо и потащил прочь.

— Глеб! Глеб, пусти немедленно!

Ответом стал шлепок по попе и веселое:

— Неа!

— Глеб! — Я возмущалась всерьез, но тихо. К чему лишнее внимание привлекать? Зачем перед соседями позориться?

— Крис, я тебя предупреждал, — отозвался зеленоглазый. — Так что будь добра — не ори. Хотя, если сильно хочется... — Моя попа удостоилась еще одного шлепка. — Можешь посопротивляться.

— Глеб!

Но начальство уже не слушало, оно по мобильному разговаривало...

— Алина Юрьевна, добрый вечер. Я тут вашу дочь похищаю, вы не против?

Ответ той, что всегда стояла на страже моей нравственности, был слышен более чем отчетливо:

— Ну наконец-то!

Вот... Вот кто она после этого, а?

Дальше мама с голосом совладала, но реплик Глеба Игоревича было более чем достаточно...

— Да, упирается. Нет, не согласна. — Пауза и смешок. — Ну справлюсь как-нибудь!

— Глеб! — прорычала я.

— Передам, конечно, но не думаю, что она послушается, — развеселился похититель, снова шлепнул по заду. — Ага!

Опять пауза и сквозь смех:

— Алина Юрьевна, сейчас к вам мои парни зайдут. Да, за вещами. Нет, это все есть. Конечно, готовился! Ну все, мы уже к машине подходим. Ага, до встречи!

Не выдержав, я таки треснула зеленоглазого. Тоже по заду.

Жаль, эффекта сей жест не возымел.

— Потерпи, розочка моя, — усмехнулся брюнет. — Скоро все будет.

Глава вторая

Глеб обретался в центре, в одном из тех домов, которые с виду старше мамонтов, а внутри современнее самой инновационной лаборатории.

Прежде чем добраться до лифта, нам пришлось миновать два поста охраны и консьержа, которого дружелюбно уведомили о том, что в двенадцатой квартире отныне еще и девушка проживает. Дедок расплылся в улыбке, сказал:

— Добро пожаловать, Крис. Рад, что вы, наконец, решились.

Очень хотелось ответить, что ни на какой конец я не решалась, и вообще от этого конца бегаю, но дедок бы все равно не понял, а раз так — какой смысл откровенничать?

В лифт меня волокли за руку, а вот из лифта, наоборот, выталкивали, под попу. Причем выталкивали как-то не очень охотно, все больше лапали. В итоге я плюнула на гордость и сама помчалась к двери с озвученной цифрой.

Дверь была необычной, бронированной. Замок Глеб Игоревич отпирал очень медленно, и единственной причиной этой задержки была я — дура, умудрилась ровно напротив встать! Так что прижимать меня к стальной поверхности было очень удобно, ага...

— Глеб! — прошипела я. Раз сотый за минувшие полчаса.

Тут же удостоилась поцелуя в шею и легкого толчка в спину — дверь открывалась вовнутрь, и в жилище зеленоглазого начальства я не вошла, а ввалилась.

Свет вспыхнул сам, озарил просторную прихожую с минимумом мебели, вырвал из темноты кусочек гостиной. Увидела я, честно говоря, мало, но и этого было вполне достаточно, чтобы тихо ахнуть — нехило!

— Голодная? — спросил брюнет. Опять прижался сзади.

Ему ответила не я, а мой желудок — какой, однако, ворчливый.

Глеб мгновенно посерьезнел, вернее посуровел.

— Опять не ужинала? Гастрит заработать хочешь?

— Хочу, — буркнула я, только не о гастрите в этот миг думала, а о том, что домогания зеленоглазого не прошли даром. Где-то в глубинах организма вспыхнул огонек, и он был куда жарче, нежели тот, что горел днем. Тело, как и мама, голосовало за Глеба, и ему было совершенно плевать на нравственные терзания хозяйки.

— На кухню, быстро! — рыкнул мой... гипотетический любовник. Сам сбросил туфли и поспешил вперед. Собственно, проследовав за ним, я местонахождение кухни и узнала.

До недавних пор я была убеждена, что интерьер в стиле хай-тек хорош только на картинках. Кухня Глеба Игоревича мои иллюзии развеяла — это было красиво, стильно и в то же время уютно. Но контейнеры с готовой едой, которыми был забит холодильник, понравились куда больше.

Нет, никаких супермаркетов. Ресторан!

— Тебе как всегда? — осведомился зеленоглазый.

— Да, — усаживаясь на высокий стул и поджигая босые ноги, сказала я.

Через пять минут выяснилось, что люблю «Цезарь с креветками», какую-то рыбу а-ля в кляре и фигню с каперсами.

Переложив все это дело на тарелки и подогрев рыбу, Глеб ретировался. Правда, предварительно спер из моего салата самую большую креветку и помидорку-черри.

Вообще, когда в твоей тарелке ковыряются посторонние пальцы, это неприятно. Но я предпочла смотреть на произошедшее глазами оптимиста — Глеб точно не вампир! Ведь вампиры человеческую еду не употребляют, правда? Хотя... они ж еще света солнечного бояться должны, а тот же Истарх не боится. Черт!

Пока я ломала голову над концептуальными вопросами, Глеб успел посетить душ и переодеться. Теперь по лишенной перегородок квартире расхаживал не бизнесмен в сорочке от «Армани», а полуголый секс-символ в мягких штанах.

Когда он зарулил на кухню, я чуть не подавилась каперсом — на бронзовом рельефном торсе еще блестели капельки воды. Волосы тоже влажными были, и беспорядок, который царил на голове шефа, нравился мне куда больше, нежели приличная прическа, виденная ранее.

— Вина? — предложил зеленоглазый, извлекая бутылку... виски.

Не... Пить я точно не буду, а то ж сразу дурной стану и соглашусь на все. Впрочем, я и так соглашусь, но попозже. Мне б хоть чуточку в ситуации разобраться, и уж тогда...

От нового приступа концептуальных размышлений отвлекла трель — домофон, не иначе. В следующий миг экран свисавшего с потолка телевизора вспыхнул, взору предстали две сосредоточенные мужские мины. Одну из них я даже узнала — тот самый парень, что из офиса меня увозил.

— Твои вещи привезли, — улыбнулся Глеб и опять оставил в одиночестве. Ну то есть в компании «Цезаря», каперсов и надкушенной рыбы.

Прихожая, несмотря на отсутствие стен, не просматривалась, но я отчетливо слышала шелест голосов и басистый дружелюбный смех. Мужчины общались не более пяти минут, потом все стихло.

Я рассчитывала вновь узреть полуголового Глеба — тем более стакан с виски тут остался, но брюнет не вернулся. Покончив с ужином, подождала добрых пять минут, потом сложила тарелки в мойку и отправилась на поиски.

Вторая прогулка по обители моего шефа впечатлила еще больше. Мысленный крик «живут же люди!» сменился глухим стоном — «надеюсь, у зеленоглазого домработница есть?». Нет, я не лентяйка, но уборка в такой квартире... ну проще застрелиться, честное слово.

Глеба я так и не нашла, зато обнаружила лестницу на второй этаж и застонала уже вслух. Потом собралась с силами, крикнула:

— Глеб, ты там?

А в ответ тишина, но интуиция шепчет — ага.

Глубоко вздохнув, я шагнула навстречу своей судьбе. Ведь ясно как день, что, отсиживаясь внизу, проблем не решишь и точки над «е» не расставишь. Я должна поговорить с шефом — выяснить, убедить, обезопаситься... А еще очень хочется на его торс посмотреть, но так, между делом...

Наверху, в отличие от первого этажа, стены имелись. Вернее, тут имелся целый холл, совмещенный с гостиной, и штук шесть дверей. Я поплелась к той, что была открыта, и совсем не удивилась, осознав себя в спальне.

Комната оказалась очень просторной. Из мебели только кровать и прикроватные тумбочки. Ну еще ковер и несколько спокойных, абстрактных картин на стенах.

Справа еще две двери располагались. Ближняя, как подсказывала все та же интуиция,

вела в ванную, а дальняя — в гардеробную. Впрочем, для того, чтобы понять последнее, никакое особое чувство не требовалось — эта дверь была распахнута, а ряды вешалок просматривались уже с порога.

Собственно, рядом с гардеробной Глеб и обнаружился...

Брюнет, по-прежнему облаченный в одни только домашние штаны, хмуро созерцал две банальные челночные сумки. Здравый смысл подсказывал — приближаться к шефу не следует, но тот же здравый смысл намекал — по версии Глеба, мы тысячу лет знакомы, и если начну шутаться, брюнет заподозрит неладное. А если учесть, что он водит знакомства с вампирами... в общем, поводов для подозрений давать не стоит, а то докопается до истины и что тогда?

Нацепив на лицо маску вселенского равнодушия, подошла и заглянула в гардеробную. Мои офисные костюмчики уже висели, белье было свалено в два больших пластиковых короба. Еще один короб заполняли чулки — ношенные вперемешку с новыми.

— Обувь сама расставишь? — так и не взглянув в мою сторону, спросил Глеб.

— Да. — Слово сорвалось с языка раньше, чем успела подумать.

В следующий миг на мою талию легла горячая ладонь, а ушка коснулся не менее горячий шепот:

— Поела?

Я непроизвольно сглотнула и попыталась отстраниться. Не тут-то было...

Зеленоглазый, во-первых, не пустил. Во-вторых — повернулся ко мне и положил вторую руку на то место, где спина уже не спина, а кое-что большее. Затем наклонился с явным намерением поцеловать, но я проворно отклонилась в сторону и в который раз сообщила:

— Глеб, я не готова.

— Кри-ис...

— Прости, но правда не могу. — Я вложила в эти слова всю свою скудную уверенность. А вот удержаться от того, чтобы коснуться бронзового торса, не смогла. Правда, повод был благовидным — я пыталась оттолкнуть гиперсексуального шефа.

О! Какая у него кожа! А под ней что? Литая сталь?

— Кри-ис...

Глаза начальства полыхнули алым, руки напряглись.

Я шумно выдохнула и приготовилась сказать что-нибудь умное, когда меня развернули и подтолкнули к кровати. В итоге сказала банальность:

— Нет.

Глеб молча обвил руками талию и сделал шаг вперед. Мне, разумеется, тоже шагнуть пришлось.

— Глеб, я не готова.

Ставший красноглазым шеф отвечать по-прежнему не спешил, уверенно шел к кровати, до которой добрый десяток метров оставался. И, в отличие от меня, был совершенно готов — я это попой чувствовала, причем в буквальном смысле.

— Глеб, перестань.

Не перестал. Молча довел до застеленного черным покрывалом ложа и легонько толкнул в спину. Я на ногах не удержалась — коленки от его инсинуаций ослабли, разум затуманился. Зато инстинкт самосохранения ожил, и я нашла в себе силы отползти на пару сантиметров, потом встать на четвереньки и продолжить бегство с куда большей скоростью.

Увы, последнее решение было ошибочным...

— Крис... — хрипло простонали сзади, и мое отступление закончилось, потому что кое-кто наглый крепко ухватил за бедра. А в следующую секунду я ощутила как горячая рука пробирается под юбку, одним, отточенным движением стягивает трусики.

— Глеб!

— Да, дорогая?

Продолжать процесс избавления от нижней части белья брюнет не стал — она деталь гардероба осталась в районе коленок. Юбка, наоборот, вверх взмыла.

— Глеб!

— Да, милая. Уже. Вот прямо... сейчас.

И меня словно молнией пронзило. Всю. От макушки до пяток. Потом отпустило на миг и опять. Следом пришла волна наслаждения — невероятная, сильная, буйная. За ней еще одна, третья, четвертая.

— Глеб!!!

Ответом мне стал новый мощный рывок, и мир сошел с ума. Или это я в безумие впала?

— Глеб? — тихо позвала я, когда разглядывать монотонный рисунок покрывала не просто надоело — опротивело.

— Да, розочка моя?

Он лежал рядом, на боку, собственнически обнимал за талию и ровно дышал в ухо. На любую попытку отстраниться реагировал тихим рыком и напряжением мышц. Пересилить эту гору я и раньше не могла, а уж в таком состоянии...

— Глеб, можно я хотя бы оденусь?

Я намекала на трусики. Они по-прежнему находились где-то в районе коленок, и это нервировало. Задранная юбка тоже нервировала, но куда меньше.

— Зачем?

Хороший вопрос. А ответа к нему, часом, не прилагается? Ну такого, который бы устроил этого самца?

Да, самца! А как еще назвать мужчину, который... В общем, это не мы любовью занимались, это он занимался любовью со мной. Быстро, однообразно, но, черт возьми, качественно. И я совру, если скажу, что мне не понравилось.

— Кри-ис... — прошептал брюнет.

Отстранился, но лишь для того, чтобы перевернуть меня на спину и запустить руку под маечку. Я же в этот момент изловчилась одернуть юбку, и тут же услышала хриплое:

— Какие мы сегодня стеснительные...

— Глеб... — жалостливо выдохнула я.

Шеф, который опять зеленоглазым стал, одарил нахальной улыбкой и поцеловал в уголок рта. А потом моя маечка была задрана, бюстик расстегнут, а эти самые губы принялись ласкать грудь с таким жаром, что я невольно выгнулась и застонала.

Рука Глеба тем временем скользнула вниз и вернула юбку в прежнее положение — то бишь на пояс.

— Нечестно!

— Да неужели? — отозвался шеф хрипло. — А кто меня сегодня весь день на голодном пайке держал, а?

— А? — бездумно повторила я, чтобы тут же издать новый стон.

— Только не говори, что забыла, чем это грозит, — продолжал Глеб. — И не ври, что не

готова к расплате.

Радужки шефа снова краснеть начали, в то время как его рука...

— Глеб!

Возможности высказаться мне не дали — банально закрыли рот поцелуем и продолжили беспредельничать. И теперь я при всем желании не могла назвать шефа эгоистом — уж слишком чутко к моим реакциям относился.

Минуты через две разум объявил о своей капитуляции и вырубился, а меня поглотила новая волна бесконечно сладкого безумия. Ночь обещала быть не только жаркой, но и долгой...

Проснулась я в самом прекрасном расположении духа. Спальню наполнял серый утренний свет, снаружи шелестел дождь, Глеб щекотно дышал в шею. Ну что еще нужно для счастья? Разве что выходной...

Осторожно потянувшись, прислушалась к себе и с величайшим удивлением обнаружила, что не только счастлива, но и полна сил. Хотя точно помню — засыпала с ощущением, что по мне колонна танков проехала, причем не раз.

Все так же осторожно переложила руку спящего шефа с собственной... ну почти талии и попыталась выбраться из кровати.

— Куда? — хрипло спросил зеленоглазый и притянул обратно. Ух! А мы-то, оказывается, не спим!

— В ванную. Можно?

В ответ послышалось притворное ворчание. Потом меня легко шлепнули по попе и отпустили.

Стесняться мужчины, который всю ночь давал тебе уроки акробатики, да еще при включенном свете, конечно, глупо, но ощущение плотоядного взгляда не позволило грациозно пройтись по спальне — я едва не сорвалась на бег. В ванной комнате, которая отличалась эпическими размерами и была снабжена и душевой кабиной, и огромной ванной-джакузи, выяснила, что щеки не просто горят — пылают!

Бороться с румянцем решила под прохладным душем. Правда, оглядывалась все время... но Глеб так и не пришел. Интуиция шептала, что это не совсем нормально, что подобное поведение в привычки шефа не вписывается. Я даже немного занервничала, но причины внезапного целомудрия мне понравились...

Он был сыт! То есть абсолютно и полностью! Именно этой сытой улыбкой встретил закутанную в банный халат меня, потянулся точь-в-точь как котяра, поцеловал на ходу и скрылся в ванной. А я отправилась искать фен.

Тот факт, что вещи привезли чрезвычайно быстро, наводил на мысль — ни фена, ни косметички, ни другой полезной мелочовки мне не видать. Однако все нашлось, в одной из выставленных у гардеробной комнаты сумок.

А еще в этой сумке обнаружили мои школьные и институтские грамоты, фотки в рамках и коллекция фарфоровых ежиков. Последняя была упакована в коробку из-под обуви, заботливо проложена бумагой.

Что тут сказать?

— Ну мама! Ну...

— Чего шипим? — спросил выходящий из ванной комнаты Глеб.

Халат у зеленоглазого я увела, поэтому он щеголял в полотенце. На бронзовой коже

блестели капельки воды, в глазах плясали... нет, не красные огоньки, а самые банальные чертики.

— Сговорились? — Я не спрашивала, я констатировала.

Шеф иронично изогнул бровь, спросил самым невинным голосом:

— Крис, розочка моя, ты о чем?

Вот как на такое реагировать, а? Вчера я бы непременно обозлилась и сказала брюнету все, причем в исключительно нецензурных выражениях. А сейчас? Не то чтоб я смирилась, но... мама плохого не пожелает, ведь правда?

К тому же Глеб Игоревич первый, к кому меня не то что отпустили, а фактически выселили. Все предыдущие попытки свинтить из родного дома были встречены категоричным: «Нет! Нет! И еще раз нет!» Мама такой вид отношений вообще не рассматривала, в ее понимании переезд возможен, но только через ЗАГС. Так что...

В общем, я извлекла из сумки фен и расческу и молча потопала в ванную.

— Кри-ис...

Глеб заступил дорогу, но я в капкан не попала.

— Кри-ис... — призывно повторил зеленоглазый, сделал шаг вперед.

Я, наоборот, отступила.

— Крис, в чем проблема? — вмиг посерьезнел он.

Проблема? Проблема в том, что мне тридцать. И все эти годы я была убеждена, что магии не существует, равно как и вампиров, и всего-всего. Я всегда знала, чего ждать от мамы. Я... я могла просчитать свое будущее. А теперь я в растерянности. И особый градус этой растерянности добавляет тот факт, что ты мне действительно нравишься.

— Кри-ис...

Меня все-таки поймали. Прижали, пригнулись, коснулись губами ушка.

— Крис, ну ты же знаешь... — прошептал тот, чьи ночные этюды до сих пор вызывали румянец. — Если бы я верил в судьбу, я бы сказал, что... — брюнет шумно выдохнул, — что наша встреча была предопределена.

Я нервно сглотнула, но выпрашивать подробности не стала. Только теперь мне не интуиция подсказывала, а здравый смысл! Ведь если мы с Глебом давно вместе, то я с большинством его тараканов знакома, верно? И попытка повторного знакомства может вызвать подозрения, а подозрения нам что? Правильно... подозрения нам ни к чему.

— Мы на работу опоздаем, — пробормотала я. Ловко вывернулась из захвата, обошла противника и таки прорвалась в ванную.

В спину прилетело ровное:

— Я внизу.

Ага. Ну разумеется.

Девушка, которую транслировало зеркало, была обычной. Те же темно-русые волосы, карие глаза, ровный, но несколько длинноватый нос... А вот губы припухшие, причем по естественным причинам. Черт! Если попытаться понять, что он во мне нашел, — мозг сломаешь!

Кажется, Скарлетт О'Хара не зря в каждом втором женском романе поминается. Только ее философия способна объяснить их логику.

— Крис, ты попала, — глухо выдохнула я. А потом подумала и добавила: — Но все рано расслабься. Ты же ничего не теряешь. — И уже совсем шепотом: — Тебе тридцать, Крис!

Вернувшись в спальню, обнаружила, что бардак, сотворенный парой неадекватных

любовников, исчез. Ни тебе трусиков на полу, ни тебе бюстиков на люстре. Кровать была застелена тем же черным покрывалом, а шторы, наоборот, раздвинуты. За стеклом простирался недоступный простому обывателю пейзаж — дома старинной постройки, разбавленные зеленью почти истребленных скверов, и храм! Один из тех, что на открытках рисуют.

Глядя на этот храм, я опять вернулась к вопросу — а кем мой новоявленный любовник является? Вампиры все-таки отпадают. Кто еще?оборотни, демоны, ведьмаки? Впервые пожалела, что не увлекаюсь фэнтези и прочей мистикой. Возможно, будь я чуточку подкованней в таких вопросах, сразу бы определила.

Затолкав лишние мысли подальше, впихнула себя в очередной деловой костюм, подкрасилась, подхватила приличные моменту туфли и потопала вниз. Навстречу завтраку.

— Что у нас на сегодня? — спросил Глеб сурово.

Мы стояли на лестничной площадке, ждали лифт. Зеленоглазый был одет в те же строгие брюки и белую сорочку с коротким рукавом. В одной руке сжимал стильный кожаный портфель, второй по-хозяйски обнимал меня.

— В десять рабочая группа по безопасности, в час план-факт за прошлый квартал, в четыре предварительное заседание по делу Данилова, — без запинки выдала я. И даже не удивилась, потому что... в общем, я расписание шефа все-таки изучала.

Глеб поморщился, прижал крепче.

— Что не так? — А вот это уже не я, интуиция.

— Да Данилов этот... — протянул шеф и выдал очередную неприязненную гримасу. — Крис, а давай ты со мной на заседание сходишь?

Интуиция удивилась, причем сильно. Она точно знала, дело Данилова из тех, на которые меня не то что не зовут, а... в общем, мне о Данилове даже знать не положено. Вот о двух ведьмах, которые взаимоисключающие заказы получили, знать можно, а об этом — никак.

— Глеб, ты ведь шутишь?

Шеф тяжело вздохнул и зарылся носом в мои волосы. Я инстинктивно повернулась, потянулась к его губам. Ровно в этот миг створки лифта распахнулись, и мы услышали веселое:

— Ах вот оно что!

Я вздрогнула и попыталась от шефа отскочить, но куда мне против его-то силищи?

— И вам доброго утра, — сказал Глеб и поволок в кабинку.

Лишь теперь я смогла осознать, что перед нами пожилая пара. Он — высокий и худой, она — низкая, пухлая, в удивительно несуразной шляпке. Соседи. Как пить дать!

Женщина улыбалась, причем широко и искренне. А мужчина кусал губы в явной попытке сдержать смех.

— Мы очень рады, что ты решила переехать, — сказала женщина. Это уже на первом этаже, на выходе из лифта случилось. — Если что-то понадобится — обращайся.

Я вежливо кивнула, выдавила из себя ответную улыбку. Ну а спутник сердобольной старушки вынул из бумажника визитку и протянул Глебу.

— Очень хорошие ребята. Рекомендую.

Один взгляд на карточку и губы шефа... Ух! Да он же на мальчишку похож стал. Причем такого, которому вместо игрушечного настоящий паровоз подарили.

— Глеб? — тихо позвала я.

Ответа не последовало. Карточка была убрана в нагрудный карман, а меня потащили к выходу. «Черный монстр» уже ждал, бесстыдно блестел полировкой и фарами.

Глеб галантно усадил на кожаный диванчик, стремительно обошел машину и протиснулся в соседнюю дверцу. Водитель, чье настроение было под стать настроению шефа — видимо потому, что не надо тащиться на окраину за одной незаменимой ассистенткой, — проворно вырулил с закрытой территории и втиснул «монстра» в медленный, односторонний поток.

— Глеб? — В моем голосе появились требовательные нотки. — Глеб, покажи визитку, а?

Брюнет помотал головой, но меня такой ответ категорически не устраивал. Я придвинулась и потянулась к тому самому кармашку. Руку перехватили.

— Ай-яй-яй... — прошептало начальство. Еще и пальчиком погрозило.

Я предупреждению не вняла. Смысл сдаваться, если вторая рука по-прежнему свободна? А запустив пальчики в тот самый карман, услышала хриплое:

— Кри-ис, доиграешься...

Салон внезапно заполнила музыка, громкая и ритмичная. Бросив взгляд на зеркало заднего вида, я увидела, как водитель это самое зеркало отворачивает. Рука Глеба тут же обвила талию и...

— Стоп! — выпалила я.

— Ага... — шепнул зеленоглазый и бессовестно завладел моими губами.

Ой мамочки! Что сейчас будет?!

Плененную руку Глеб отпустил, но лишь для того, чтобы ухватить за коленку, а потом залезть под юбку. Я, в свою очередь, впечатала кулак в литую сталь его груди и укусила брюнета за язык. Первое шеф вообще не заметил, а вот второе... В общем, это было ошибкой. Большой-пребольшой.

Шеф застыл, распахнул глаза, красноречиво изогнул бровь. Я ответила столь же открытым взглядом и продолжила стоять на своем — в смысле, зубы не разжала. Несколько секунд Глеб Игоревич выжидал, явно давая мне шанс одуматься, потом стиснул так крепко, что едва не охнула. В зеленых глазах вспыхнули алые всполохи.

Тут меня с головой накрыло осознание — до того, как мои зубы сомкнулись на его языке, озабоченный начальник просто дразнился. Зато теперь... Черт!

— Крис, ты попала. — Голос прямо в голове прозвучал, начисто перекрыл гремящую в салоне музыку.

— Гле-еб! — мысленно взмолилась я.

Слышал или нет — не знаю, но глаза прищурил. А потом... потом я почувствовала как его язык удлиняется и касается моего неба. И то, что этого самого неба коснулось... оно раздвоенным было.

С испугу я не только зубы разжала, а еще и отпрянуть умудрилась, разорвав захват. Вжалась спиной в дверцу машины, подхватила упавшую на пол сумочку — хоть какая, а преграда. Глеб на мою попытку загородиться отреагировал легкой, многообещающей улыбкой.

А в следующий миг машина повернула и остановилась. Музыка замолчала, тут же раздался щелчок — двери разблокировались.

— Какая смелая девочка, — сказал шеф хрипло.

Просить защиты у водителя я не стала — ясно, что бесполезно. Аккуратненько потянула

рычажок двери и грациозно выбралась из машины. И лишь после этого огляделась. Мы были на парковке, той самой, что к офисному зданию, где наше ООО «С.К.Р.» расположено, примыкает.

У стеклянной вертушки, как и вчера, толпились охранники и клерки. Кто-то курил, кто-то болтал, кто-то просто оттягивал момент появления на рабочем месте. И хотя тут были преимущественно мужчины, я совершенно четко осознала — не помогут. Просто не сумеют помочь.

— Кри-ис... — Глеб стоял по ту сторону «черного монстра», но я все равно вздрогнула. — Кри-ис... иди-ка сюда.

Я нервно сглотнула и помотала головой.

— Розочка моя... — прошептал шеф, одаривая ну о-очень ласковой улыбкой. — Иди ко мне, не усугубляй.

Возможно, стоило послушаться и подчиниться, вот только... у него же язык раздвоенный. Раздвоенный! Как у змеи!

Собрав в кулак остатки храбрости, расправила плечи и сказала:

— Глеб Игоревич, давайте обсудим это позже. У нас рабочая группа в десять.

— Да ты что? — делано удивился брюнет. О том, что радужки его глаз стремительно багровеют, я старалась не думать.

— И план-факт в час.

— У... — Глеб начал обходить машину, а я позорно отступать. Спиной, разумеется.

— И еще заседание. Вы помните про заседание, Глеб Игоревич? К нему следует подготовиться, иначе Данилов...

— Бедный... бедный Данилов, — вздохнул брюнет. — Погубишь ты его, Крис.

— Я?

— Ты, розочка моя. Ты.

Все-таки ходить спиной опасно — я так некстати уперлась в чью-то машину. Та от соприкосновения с моей попой завизжала, замигала фарами.

— Bravo, розочка моя, — прошептал Глеб, прижимая к стальному корпусу. — Bravo! Мы же с тобой так редко показательные выступления устраиваем...

— Какие еще выступления? — выдохнула я.

Ответ на вопрос лежал на поверхности, просто осознать его было страшно.

Глеб отобрал сумку, повесил на плечо. На второе плечо... повесил меня. И вот так, прикрывая широкой ладонью вид, который открылся благодаря длине моей юбки, понес к стеклянной вертушке.

Я не возражала. Вообще попыталась расслабиться и получить удовольствие. Приблизиться к состоянию нирваны мне удалось ровно в тот момент, когда генеральный директор ООО «С.К.Р.» поднялся на первую ступеньку крыльца и шагнул к двери. А потом всю благодать как ветром сдуло, потому что в гробовой тишине, которая воцарилась у входа в офис, зашипела рация и искаженный радиоэфиром голос спросил:

— Стас, что там у вас?

— Все в порядке, — ответил охранник. И добавил: — Рабочая группа по безопасности отменяется.

— Понял, — отозвался тот, второй. И так ровно, так буднично это прозвучало...

Мама!!!

— Глеб, поставь меня! Я сама пойду!

— Поздно, розочка моя, — ответило начальство.

— Глеб, я клянусь! Я буду очень хорошо себя вести!

— Будешь, — ступая по мрамору роскошного холла, согласился шеф.

— Глеб, я все сделаю, только прекрати!

— Ты и так все сделаешь, — ответили мне.

Волна возмущения была мощной, сильной, но... бессмысленной. И почти сразу сменилась ужасом — мы в лифт вошли.

Кабинка устремилась вверх, вот только пользоваться уединением шеф не спешил — по попе хлопнул и все. Когда двери распахнулись, Глеб Игоревич спокойно поздоровался с секретарем и направился к нашему кабинету. И только провернув в замке ключ, обернулся, чтобы сказать уже второму секретарю:

— Служба безопасности в курсе, что рабочая группа отменяется. Ты плановый отдел предупреди.

Это он отмену совещания по план-факту за прошлый квартал в виду имеет?

— Да, конечно, — ответила секретарь. А потом вздохнула и добавила нерешительно: — Глеб Игоревич, а может, успеете? У них начальник отдела с завтрашнего дня в отпуске...

— Нет, не успею, — сказал Глеб.

— А если перенести часа на два? — Голос секретаря совсем жалобным стал.

— Нет, все равно не успею. К тому же в четыре у меня еще одно совещание, внешнее.

Э... это они то, о чем я думаю, обсуждают?

— Глеб, — взмолилась я. — Глеб, а давай успеем, а?

Я, в отличие от секретаря, ответа не удостоилась. Шеф просто вошел в кабинет, запер дверь, и... мечта идиотки сбылась — меня поставили на ноги.

— Так на чем мы остановились? — спросил красноглазый, аккуратно сгружая мою сумочку на пол. Он улыбался. Хищно так, широко... — И, кстати, где та смелая девочка, которая хотела получить вот это?

Глеб вынул из кармана визитку, повертел в пальцах и спрятал обратно.

Ух! Останешься тут смелой, как же! Но все-таки я нашла в себе силы вздернуть подбородок и выдохнуть:

— Милый, у тебя язык... раздвоенный.

Меня окинули ну очень задумчивым взглядом.

— Да. И если мне не изменяет память, именно это тебе во мне и нравится.

Офигеть. Нет, я все понимаю, но...

— Глеб, — справившись с набежавшим румянцем, сказала я. — Глеб, у нас плотный рабочий график и обязанности. И если с переносом рабочей группы по безопасности проблем нет, то план-факт...

Договорить мне не дали. Красноглазый шагнул вперед, обвил рукой талию и впился в губы. А я вдруг поняла, что... в общем, неправильно я его слова о раздвоенном языке истолковала. Ну или не совсем правильно — ведь поцелуй с таким языком тоже ого-го как от обычного отличается.

Мир поплыл, разум резко затуманился, а тело изогнулось навстречу пока еще целомудренным прикосновениям. Нет, не зря Глеб Игоревич совещание с плановым отделом отменил. Точно не зря!

Обедали мы в общей столовой, в компании простых и не очень служащих. Сказать, что

мне кусок в горло не лез? Ну... он лез! Вернее полез, после того, как я попросила Глеба Игоревича поменяться местами. Просто там, за соседним столиком, плановый отдел полным составом сидел. Девочки злились, причем сильно.

— На слушание по Данилову со мной поедешь, — прожевав очередной кусок отбивной, сказал Глеб. Тон был приказным и очень суровым, словно я отбрыкиваться собираюсь.

Я растерянно кивнула. Уж на что, а на заседание «по Данилову» мне было плевать, глубоко и сильно. Куда больше волновал тот факт, что все присутствующие в столовой в курсе, чем мы с Глебом четверть часа тому занимались...

Нет, ясно, что о нашей связи всем известно, но разница между: «шеф спит со своей ассистенткой» и «шеф спал со своей ассистенткой сегодня, с девяти до двух» — колоссальная. Хуже только, если к последнему список поз добавится.

Кстати, на позы Глеб Игоревич не скупился, мстил за покусанный язык со всей горячностью. И офисная акробатика ни в какое сравнение с акробатикой постельной не шла — совсем другой уровень. Один только телефонный шнур, которым мне руки связали, после того как решила на повторное извлечение визитки, чего стоил!

— Крис, ты здесь? — щелкнув пальцами перед носом, спросил шеф.

— А?

— Ага! — поддел зеленоглазый. — Ты в дело Данилова вникала?

— Мне не положено, — это не я сказала, интуиция.

— Знаю, что не положено, но все-таки?

Вообще-то настроение у шефа было прекрасным, но, вспомнив о предстоящем слушании, Глеб постарался принять серьезный вид. Им и пугал.

— Не вникала, — со вздохом призналась я.

Генеральный директор ООО «С.К.Р.» нахмурился и откинулся на спинку стула. Он тоже не вникал. Вчера папку исключительно из вредности попросил, а сегодня... в общем, подготовку к слушанию он проморгал.

— Ладно, по дороге почитаю.

— Не успеешь, — неожиданно для самой себя, выдала я. — Там все очень запутано.

Глеб сразу же подобрался, подался вперед:

— То есть все-таки вникала!

— Нет, я на второй странице срубилась.

Вывод, к которому пришло руководство в лице Глеба Игоревича, был откровенно странным:

— Все. Сегодня же допуск для тебя сделаю. А на заседании импровизировать будем. Ох, бедный Данилов... — Шеф шумно вздохнул и добавил с улыбкой: — А все из-за тебя!

В машину я садилась с ощущением полного и абсолютного сюрра. Заседание? Данилов? Допуск? Каждое из этих слов повергало интуицию в полнейшее смятение. А потом еще одно слово в сознании всплыло, и плохо стало не столько интуиции, сколько мне.

Контрацепция.

Голову от прикосновений Глеба я, конечно, теряла, но не настолько, чтобы не заметить — изделий резиновой фабрики в момент нашей близости не присутствовало. Вариант несовместимости биологических видов отпадает — на этот счет интуиция имеет очень четкое мнение. И что в таком случае остается?

Черт! Просто черт-черт-черт!

Прежняя я точно никаких таблеток не употребляла — просто без надобности. Спиралей и остальных прибабасов не имела. А теперь? Мамочки, это на что же я нарвалась?!

Машина плавно вырулила на проспект, тут же ускорила, и спустя минуту нырнула в тоннель. Я тоже нырнула, только не в тоннель, а в сумочку. Если я пью таблетки, то они должны быть при мне. Ибо в вещах, которые передала мама, никаких медикаментов не было.

— Крис, что ты делаешь? — спросил зеленоглазый, когда я не выдержала и начала вытаскивать из сумочки расчески-пудреницы-кошелек и прочие предметы.

— Табле... — Ух, как вовремя язык прикусила! — Карандаш для губ ищю.

Начальство молча подхватило косметичку, открыло и протянуло нужный девайс.

— Не этот, другой, — вмиг сориентировалась я и продолжила археологические раскопки, чтобы через полчаса, проверив даже подкладку, узнать: единственная таблетка, присутствующая в моей сумочке — леденец от кашля. Да, один! Выпавший из упаковки где-то в начале прошлого столетия.

— Ну как? — спросил Глеб, когда я со вздохом откинулась на спинку кожаного диванчика.

Шеф был погружен в документы, так что гамму чувств, отразившуюся на моем лице, не видел. Вслух я сказала лишь одно:

— Фигово.

— После заседания в магазин заедем... — пробормотал тот, чье появление в моей жизни поставило на грань инфаркта. — Новый купишь. Или по Интернету закажи...

Очень захотелось вырвать у него папку и спросить в лоб. Спросить, несмотря на то что подобный вопрос совсем неуместен и, вероятно, опасен. Ведь людям, которые посвящены в тайны мафии, амнезией болеть нельзя! Да и самозванцев в окружении таких фигур, как Глеб Игоревич, быть не должно.

Так, стоп. Кажется, я впадаю в истерику. А мне истерить нельзя. Только не сейчас. В конце концов, я взрослая женщина, и я в состоянии решить любой вопрос!

Мне нужно к врачу. Просто сходить к врачу, и все. Уж доктор-то точно определит, как именно я предохраняюсь. Поржет, конечно, но выяснит.

— Так, Гена, останови! — скомандовал шеф внезапно.

«Черный монстр», марку которого я так и не выяснила, резво перестроился в крайний правый и застыл у обочины.

— Крис, выходи.

Я слегка прифигела — не столько от предложения, сколько от тона. С места, разумеется, не сдвинулась. Глеб закатил глаза и вышел сам.

Потом дверца с моей стороны открылась и меня из салона просто выдернули, как морковку из грядки.

— Сама пойдешь или на ручки взять? — прошептал зеленоглазый.

Шок усилился, поэтому ответить не смогла. Просто стояла и смотрела, а он...

— Значит, на ручки.

Меня привычно закинули на плечо и понесли. И лишь когда мы миновали стеклянные двери, а в нос ударил запах сотни парфюмерных отдушек, хитрый план шефа раскрылся.

— Карандаши для губ! — скомандовал генеральный директор ООО «С.К.Р.». — Все, какие есть!

Вот... вот как он этот магазин углядел? И... и что мне с таким мужчиной делать?

Выйдя из машины, я постаралась придать лицу самое пофигистическое выражение. Ну, подумаешь, особняк! Мало ли их — огромных, навороченных, с бассейнами, коллекцией карликовых деревьев у входа и прочими фонариками? Мелочи это все, тлен.

Вот и Глеб спокоен. Без всякого стеснения обходит машину, водружает руку на мою талию и уверенно ведет к широкому крыльцу с полупрозрачными ступенями. И это что же мы сейчас топтать будем? Горный хрусталь?

— Глеб Игоревич, — выскочивший навстречу дворецкий учтиво поклонился.

Зеленоглазый кивнул. В распахнутую дверь вошел как хозяин. После застыл, позволяя дворецкому обогнуть нашу парочку и зашагать впереди.

Мы миновали просторный холл, еще более просторную гостиную, после свернули к лифту — уж не знаю для чего в трехэтажном доме такое приспособление, но тем не менее. Поднявшись на второй этаж, прошли коротким коридором и замерли у широкой двустворчатой двери. Прежде чем открыть, слуга постучал.

А потом начался он! В смысле, армагеддец.

Двери открылись сами. Взгляду предстала небольшая комната, выполненная в бежевых и коричневых тонах, широкий прямоугольный стол и... люди. Где-то с дюжину мужчин и одна невероятно яркая женщина — брюнетка с ну о-очень внушительным бюстом. На Глеба эти... люди внимания не обратили, дружно уставились на меня.

В их лицах было все — от удивления до откровенной брезгливости. Особенно выразительно смотрела женщина — показалось, у нее глаза вот-вот лопнут.

— Кристина Анатольевна? — изумленно произнес мужчина в сером невзрачном костюме. А потом расплылся в улыбке, поднялся. — Добро пожаловать!

М-да... и откуда этот холодок по спине?

— Арсений Игнатьевич, — пробасило мое начальство. — Губы закатал.

Мужчина картинно поднял руки — мол, сдаюсь-сдаюсь. Тут же окликнул дворецкого:

— Еще одно кресло принеси!

Лишних мест за этим столом и впрямь не было, а единственное пустующее кресло предназначалось, разумеется, Глебу. Я никак не ожидала, что шеф уступит, однако... Интуиция впала в шок, сидевшие за столом тоже. А зеленоглазый стоял рядом со мной и спокойно дожидался возвращения слуги.

— Эк тебя пробрало, — пробормотала женщина.

Глеб не среагировал.

Те несколько минут, в течение которых несли дополнительное кресло, показались мне вечностью. И только когда зеленоглазый сел рядом, я разрешила себе вздохнуть и оглядеться как следует.

Эта компания показалась бы странной любому — уж слишком разношерстная.

Во-первых, женщина — отнести брюнетку к разряду кукол было невозможно, слишком явная печать ума на лице. Во-вторых, сами мужчины... с ними куда сложнее. Трое, включая Глеба, холеные, чуточку надменные, в деловых костюмах высшей пробы. Еще трое тоже в костюмах, и при том, что одежда явно проще, держатся куда уверенней. Двое в джинсах, еще один на рэпера похож, даже цепь с чем-то бижутерным на шее болтается. Ну и последний... последний вообще как бомж, благо что не пахнет. Единственное, что приятно, — очень на людей похожи.

— Зато теперь ясно, почему он опоздал... — нарушил тишину «рэпер». Он был серьезен, как министр финансов в кризис.

Губы «бомжа» растянулись в похабной улыбочке. Еще один, из тех, что, как Глеб, тоже разулыбался.

— Нет, — сказал шеф ровно. — Не угадал.

— То есть ты не... — начал было «бомж», но Глеб Игоревич поднял руку, заставляя замолчать.

— Нет, — повторил он. — Мы карандаш для губ покупали.

«Рэпер» демонстративно отдернул рукав, взглянул на наручные часы (и это при том, что перед ним айфон лежал). Сказал тоном, от которого кровь ледяной корочкой покрылась:

— Целый час? Боюсь даже предположить, что вы с этим карандашом делали.

Он боялся, а я предположила. Ну то есть представила... Черт! Даже не догадывалась, что у меня настолько бурная фантазия.

— Очень много карандашей, — наваливаясь на стол, процедил Глеб, — и единственный исправный сканер. Теперь все понял?

Вот теперь стало стыдно по-настоящему. И это невзирая на то, что я отчаянно сопротивлялась решению скупить весь магазинный ассортимент. Я просила один! Вернее, не просила, а была вынуждена просить, чтобы легенду не рушить. Мне этот карандаш вообще не сдался, я им только по праздникам пользуюсь.

Кстати, в магазине Глеб даже полувзглядом недовольства не выразил. Просто стоял и наблюдал, как девушка берет карандаш, находит на нем штрих-код, подносит к сканеру, дожидается считывания, клацает по кнопке клавиатуры, чтобы подтвердить ввод, кладет карандаш в пакет и берет следующий... И так пятьсот раз! Без преувеличений.

Зачем Глебу понадобилось столько — понятия не имею. Видимо, шеф просто на принцип пошел. Что теперь делать с целым пакетом этих девайсов — тоже не знаю. Хоть рисовать учись, честное слово.

Но это все мелочи в сравнении с реакцией, которая за признанием зеленоглазого эксцентрика последовала...

Мужчина в невзрачном сером костюме — тот самый, который отдавал распоряжение дворецкому, — повернулся к «бомжу» и спросил:

— Слышал? А теперь скажи мне, Билли, хоть одна из ваших баб может укатать высшего инкуба до такого состояния?

— Нет, — ответил «бомж».

— А наша может! — припечатал мужчина. А потом пристально посмотрел на меня и добавил самым серьезным тоном: — Молодец, Крис. Далек пойдешь.

Фух... Это что такое было?

— Кстати, — вклинилась в разговор брюнетка, — слышала, вы все-таки съехались. Поздравляю. Давно пора.

Ее улыбка была очень милой и вроде бы искренней. Сидящий подле брюнетки мужчина тоже улыбнулся, фыркнул:

— Да о том, что они съехались, весь район слышал.

— О, точно! — подключился к беседе еще один, тот, что напротив нас расположился. Он достал из нагрудного кармана визитку и, перегнувшись через стол, протянул Глебу. — Пока не забыл! Очень хорошие ребята. Рекомендую.

Зеленоглазый карточку принял, мазнул по ней взглядом и передал мне.

— У меня такая уже есть, — пояснил Глеб. — Виктор Иванович подсуетился.

— А... Ну да, он же сразу над вами. Ему хуже всех.

Я же лишний раз убедилась, что есть такие вопросы, ответы на которые лучше не знать. На лакированной картонке значилось: «Вжик и Ко. Лучшие звукоизоляционные системы для вашего дома/офиса/берлоги/склепа. Соседи будут довольны. Гарантия 200 %».

Глава третья

Глумеж, к моей несказанной радости, кончился быстро.

— Я все-таки предлагаю вернуться к Данилову, — водрузив локти на стол, сказал «рэпер». Тон мог посоперничать с арктическим ветром. — Я понимаю, что некоторым... хм... любителям требование обвинения кажется неприемлемым, но Данилов должен быть уничтожен.

Под «некоторыми любителями» подразумевался Глеб — это точно, потому что именно на него в этот миг косился «рэпер».

— Я согласен с коллегой, — кивнул мужчина в сером.

— Я тоже поддерживаю, — откликнулась брюнетка. Она уже не улыбалась.

Глеб криво ухмыльнулся, но сказал не он, а другой, тот, который визитку протягивал:

— И как вы себе это представляете?

— Да как всегда. — В голосе брюнетки тоже арктический холод появился.

«Мужчина-визитка» окатил грудастую таким презрением, что даже меня передернуло.

— Мегера, дорогая, — процедил он. — Я уже говорил, Данилов, вероятнее всего, узел. Мы не можем его уничтожить.

— Да у тебя каждый второй человек — узел!

— Мегера, я не шучу... — зашипел оппонент. — И подписывать такой приговор не буду. Мне проблемы не нужны...

— Трус! — перебила брюнетка и хлопнула ладонью по столу.

В комнате стало очень тихо. Только птичий щебет в приоткрытое окно проникал да шелест листвы.

— Крис, ты что-нибудь поняла? — спросил «рэпер».

От его тона чуток вздрогнула и ответила далеко не сразу:

— Только то, что вы хотите кого-то убить.

Мужчины, ну кроме Глеба, дружно посмотрели на Мегеру.

— Не врет, — с явным неудовольствием заключила та. Правда, что-то подсказывало — злитесь не на меня, на «визитку».

— То есть наша незаменимая ассистентка действительно не в курсе? — не унимался «рэпер».

— Нет. Но я очень хочу вникнуть.

— А вот сейчас врет, — пробормотала Мегера. Добавила с усмешкой: — Умная девочка.

— Умные девочки на такие встречи не приезжают, — отрезал «рэпер». — Но раз уж ты пришла...

Мужчина растянул губы в широкой такой улыбке, продемонстрировал очень внушительные, очень зловещие клыки.

— Убью, — сказал Глеб ровно. И это прозвучало куда страшней самого грозного рыка.

Вот только «рэпер» пугаться не спешил.

— Я всего лишь хотел сказать, что раз Крис пришла, то, может быть, она и рассудит? Свежий взгляд, так сказать... Человеческий.

Надеюсь, не слишком громко выдохнула, а? Я ж, глядя на все это, уже сомневаться начала, что к племени *homo sapiens* отношусь. Просто на смену биологического вида я точно не подписывалась. Вот на большую грязную любовь — это ладно, это можно, а на обращение

меня в какую-нибудь упырицу — нет, нет и еще раз нет.

Кстати, а инкуб — это кто?

— Айшер, не говори ерунды, — вмешался мужчина в сером костюме. В нем, кстати, все сильнее угадывался самый главный. Нет, ничего особенного тот не делал, просто жесты, манера держаться и, как это ни смешно, энергетика. — Ничего она не рассудит. Впрочем, взгляд человека и впрямь может быть интересен... — И уже мне: — А про узлы ты что-нибудь знаешь?

Фух...

— Нет, Арсений Игнатьевич. — Ого! Я его имя вспомнила?! Или запомнила? Глеб, кажется, произносил. — Не тот допуск.

— Айшер, расскажи, — скомандовал Арсений.

И «рэпер» принялся просвещать...

— Ты, должно быть, слышала, что наши народы разделены не только биологически, но и... хм... магически. И, вероятно, догадываешься, что дело тут не в отсутствии способностей к магии у твоего вида. Это разделение иного, высшего порядка.

Представь, что нас не существует, что есть только вы, люди. Вы связаны друг с другом и вашим миром. Этакое восемь миллиардов точек, соединенные нитями эмоций и обстоятельств. Это похоже на ковер с хаотичным узором. Огромный, просто гигантский ковер. По большому счету, каждый человек является узелком. Каждый из вас, так или иначе, связан с остальными, и хотя бы чуть-чуть, но влияет на то, что творится вокруг. Но есть особенные люди, чье влияние поистине огромно. Именно их мы называем узлами.

Узел — это не тот, кто имеет больше всего связей, и даже не тот, кому суждено открыть лекарство от рака. С точки зрения логики узел вообще иррационален. Им может оказаться дворник, менеджер среднего звена, старушка-кошатница... да кто угодно. И влияние узла иррационально — важность такого человека проявляется только в момент гибели или... вмешательства в судьбу.

— Про судьбу вообще не поняла, — выдохнула я.

— Знаю, что не поняла, — отозвался Айшер холодно. — Но ведь я еще не закончил... Ты помнишь, о чем я просил вначале?

Да, я помнила:

— Представить, что вас не существует.

— Вот именно. Нас не существует! Если нас не существует, то все это человеческое макраме находится в естественном состоянии. Вы сами рождаетесь, сами умираете, сами выигрываете в лотерею. В естественном состоянии ничего сверхъестественного не происходит, события развиваются по заданному сценарию, в полном соответствии с судьбой.

Фух! Опять судьба?

— Судьба — это вектор, направление движения. И это та сила, которая меняет узор ковра. Благодаря ей одни ниточки обрываются и растворяются, другие возникают или соединяются. Благодаря ей исчезают и появляются узелки, от которых эти нити тянутся. Это происходит каждую секунду, это естественно. А теперь вспомни, что есть мы!

— И? — нетерпеливо протянула я.

Айшер наклонился и прошипел:

— Мы внешний фактор, детка. Внешний, посторонний, неуправляемый.

Нет, не понимаю...

— Человек не в силах изменить свою судьбу, поменять судьбу другого — тем более. Нет, вы, конечно, можете верить, надеяться, пытаться... и даже находить подтверждения, что вам удалось. Но правда заключается в том, что это невозможно. Вы привязаны друг к другу, к вещам, к земле и небу. Вы как мухи в паутине, и вы бессильны. А мы вне этой системы, и нам никакая паутина не мешает.

— Вы можете менять судьбы людей, — догадалась я.

«Рэпер» кивнул.

— Да. Мы можем убить того, кому суждена долгая жизнь. Можем подарить богатство тому, чья судьба — бедность. Можем одарить любовью того, кто должен был сдохнуть от одиночества. Мы судьба номер два.

Я не могла не вздрогнуть. Не посмотреть на Глеба тоже не могла.

— Правильно мыслишь, детка, — усмехнулся Айшер. — Твоя связь с этим инкубом — измененная судьба. Не будь его, ты бы жила как предначертано. Работала в какой-нибудь заплесневелой конторе, носила джинсы и бабушкины трусы, и спала с каким-нибудь прыщавым придурком.

— Нет, — встряла Мегера.

А я опять вздрогнула. А еще мне очень холодно стало и страшно.

— Что нет? — ухмыльнулся Айшер.

— Крис тридцать, — пояснила брюнетка. — Для людей это довольно приличный возраст. Думаю, не будь Глеба, она бы нянчила пару детишек, варила борщи, а в перерывах вкалывала как проклятая... в той самой заплесневелой конторе.

Тишина была недолгой, но чертовски обидной. Я никак не думала, что мой зеленоглазый совратитель смолчит, тем не менее... тем не менее заступился за меня другой. Арсений!

— Ты лучше подумай о том, что бы было с тобой, если бы Крис не появилась. И ты, Айшер, голову включи, прежде чем скалиться.

Я выпала. Да, просто выпала. На фоне всего, что я услышала, да еще при столь неприятной реакции Глеба... Нет, лучше я о Данилове думать буду!

— Так что с узлами? — сказала жестче, чем хотелось. И обращалась уже не к Айшеру, а к Арсению.

— Да огребаем мы за них, — улыбнулся тот. — За обычных людей не огребаем, потому что, когда исчезает, как изволил выразиться Айшер, ниточка, ваша ковровая дорожка быстренько затягивает рану, и все. А когда погибает узел, получается разрыв, и в пространство выплескивается очень большой заряд энергии. Люди получают какую-нибудь глобальную катастрофу, а мы... — Арсений Игнатьевич тяжело вздохнул, — в общем, выживают не все.

— А если не убивать?

— Все равно разрыв. Встреча с кем-либо из нас — уже изменение судьбы. Даже покупка... — Арсений чуть заметно ухмыльнулся, — карандашей на узор вашего коврика влияет. У магазина не должно быть этой выручки, у государства не должно быть тех налогов, которые с этой покупки заплатят, и так далее. А возможно, один из купленных вами карандашиков должен был стать причиной судьбоносного поцелуя, вот только достался он не той девочке, а тебе, Крис. Понимаешь?

— Примерно.

— Так вот, вмешательство в судьбу — это смещение узора. Если сместить узел, то тоже

очень плохо будет. Это все равно, что жизненно важный орган передвинуть. С такими, как ты, может происходить что угодно, мироздание переживет, а узлы трогать нельзя.

Обиду я проглотила.

— И как вы определяете, кто узел, а кто нет?

— Да в том-то и проблема, что определить сложно. А некоторые... любители этим пользуются. Видишь ли, Крис, узлов очень мало. Вероятность напороться на узел — мизерна. Но за последние три года это третье дело, где человека, подлежащего уничтожению, объявляют узлом.

— У нас есть доказательства, — встрял тот, кого я мысленно окрестила «визиткой».

— Ну да... — протянул Арсений, и снова ко мне повернулся. — Первым доказательством того, что узел смещен, является глобальное изменение реальности.

— То есть?

— То есть выходишь ты из дома и понимаешь, что мир вокруг тебя изменился. С тобой начинают здороваться те, кого ты знать не знала. Вместо секретарши Лены встречаешь в своем офисе какую-то Олю. Или вдруг обнаруживаешь, что у тебя сын, а не дочь.

Черт, какая знакомая ситуация.

— Но только вы, люди, подобные изменения не видите, потому что вы... Айшер, как ты там выразился?

— Мухи в паутине, — подсказал «рэпер».

— Да, именно. А мы, Крис, вне вашей системы, мы эти изменения видим и очень отчетливо.

— И в этот раз изменения есть! — снова встрял «визитка».

Сидящие за столом дружно вздохнули, а я осмелилась спросить:

— Что за изменения?

— Все случаи я описал в отчете, но пример приведу. Один из моих подчиненных на днях разбил ноутбук, ему потребовалось извлечь и оживить хард, чтобы инфу скопировать. Парень обратился в ближайшую к дому контору, «Шерри-кат» называется. И ему там девушка очень понравилась, оператор. А он оборотень молодой, романтичный, так что когда пошел забирать свой металлолом, букетик прихватил. Вот только никакой девушки в конторе не нашлось, а сотрудники заявили — не было тут таких, никогда.

Кажется, я сейчас узнаю, что такое настоящий обморок.

— Может... просто ошибка? — пробормотала я.

— Чтобы оборотень насчет бабы ошибся? — искренне возмутился собеседник.

— Значит, обман, — это уже не я, «рэпер». — Скрыли девочку, и все. Люди, они ведь тоже не дураки, опасность порой лучше нас чувствуют.

— Если бы ты прочел отчет, — зашипел «визитка», — ты бы знал, что мы этот офис через час обыскали. Все проверили, от туалета до внутренней документации. Единственную девушку, которая там когда-либо работала, зовут Мария Сигизмундовна, и ей шестьдесят три года. А от той, на которую Шас запал, ни следа!

— Неужели и запах исчез? — хмуро спросил «бомж».

— Говорю же — ни-че-го!

Мама, мне плохо. Нет, в самом деле плохо. Это же он про мою контору рассказывает. Это к нам такой плечистый дерганый парень с разбитым ноутбуком приходил. И Мария Сигизмундовна... Мамочки!

— Крис? — позвал кто-то. — Крис, что с тобой?

Что со мной? Сказала же, плохо. Очень...

— Крис!!!

Очнулась я в огромной кровати, под легким атласным одеялом. Далеко не сразу сообразила, что эта тускло освещенная спальня мне знакома...

— Ну наконец-то, — прошептали рядом.

Я повернула голову и... в общем, зеленоглазого брюнета тоже не сразу опознала.

— Что случилось? — собственный голос прозвучал незнакомо, хрипло.

— В обморок ты свалилась, — сказал предельно серьезный Глеб.

— Почему?

— Не знаю. Думал, ты объяснишь.

— Я?

Шеф молчал довольно долго — то ли думал, то ли слова подбирал.

— Крис, я действительно не понимаю причину твоего обморока. Я хочу услышать... если не объяснения, то хотя бы версию.

— А водички дашь?

— Прости, — Глеб заметно растерялся, — я как-то не подумал. Сейчас.

Шеф скатился с кровати — сам он поверх одеяла лежал, и даже одет был, в отличие от меня — и поспешил к двери. Я же свернулась калачиком и задумалась, а действительно, почему? И тут же поняла — этот обморок зрел давно.

Слишком серьезные перемены в жизни, и слишком резкие. Пожалуй, я должна была свалиться гораздо раньше, еще при первом посещении... нового рабочего кабинета. Информация, которой поделились на заседании, просто добила. Вот только озвучить такую версию Глебу я не могу. Или..?

— Держи, розочка моя, — прошептало начальство. Очень незаметно подкралось, совсем как... впрочем, ладно.

Я привстала, поднесла к губам стакан с минералкой. Потом снова на подушки откинулась и сказала:

— Слишком много информации.

— То есть? — изогнув бровь, спросил он.

— То есть... я догадывалась, что все не просто так, что вы имеете куда большее влияние, но чтоб настолько! А еще узлы эти... Кстати, про Данилова мне так и не рассказали, что там? Как так получи...

Договорить мне не дали. Глеб приложил палец к губам, но выглядел при этом таким серьезным, таким хмурым.

— Крис, не лги.

Ровно после этих слов очнулась интуиция. Вернее, очнулась и завопила, что мы палимся! Вот только в чем именно, не сообщила...

— С чего ты взял, что я лгу? — Спокойствие, только спокойствие! А дрожащих коленок под одеялом не видно!

Зеленоглазый детектор лжи молчал довольно долго, сказал прищурившись:

— С того, что все озвученное на заседании ты знала.

Я?! Знала?! Но ведь эта информация не моего допуска! М-да, а палево, похоже, серьезное.

— Тебя задело что-то конкретное, — продолжал давить шеф. — И мне кажется, это был

рассказ о некоем оборотне и некоей ремонтной конторе...

Приличные слова кончились, остался мат. Отборный такой, ядреный. Ведь единственным, кто мог поделиться со мной столь закрытой информацией, является шеф! И просвещал мою скромную особу, разумеется, тайно! А потом повез на заседание, где... Ух! Да если бы они поняли, что я в курсе, мне бы голову открутили! Вон как выпрашивали! И даже... Стоп. Мегера что? Мне подыгрывала?

Нет, я решительно ничего не понимаю.

— Да, знала, но не осознавала. Видишь ли, одно дело слышать подобное от любимого, и совсем другое...

Глеб застыл, взгляд стал острее бритвы. Говорить, когда на тебя смотрят вот так, до безумия сложно — неудивительно, что слова колом в горле встали.

— Любимого? — тихо переспросил он. — Крис, ты сейчас серьезно?

Интуиция на этот вопрос среагировала странно. Как будто скукожилась и руками прикрылась. Кажется... кажется сейчас что-то будет.

В глазах Глеба появились до боли знакомые алые всполохи, губы дрогнули в улыбке. И столько в этой улыбке искренности было, столько счастья.

— Кри-ис... — хитро протянул он. — Кри-ис, скажи, что мне не послышалось.

— Послышалось! — горячо заверила я и нырнула под одеяло.

Мама! Это что же получается? У нас эта, как ее, большая и грязная, а мы... о чувствах никогда не говорили? Быть такого не может!

Под одеялом было темно и классно, но ровно до того момента, как Глеб придвинулся вплотную и, положив руку на попу, попросил:

— Кри-ис... а скажи еще раз, а?

— Ни за что!

— Кри-ис... — За попу уже не держались, ее поглаживали.

Тело, вопреки остаточной дурноте, начало пламенеть, а потом меня словно колодезной водой окатило. Я отбросила одеяло, села. Что именно в этот миг на моем лице отразилось — не знаю, но Глеб замер и нахмурился.

— Почему ты промолчал, когда Мегера меня оскорбляла?

На мой вопрос зеленоглазый ответил не сразу...

— Потому что.

Там, в кругу странных личностей не пойми каких рас, было обидно. А здесь, в спальне моего нового дома, стало больно.

Еще пазл сошелся. Глеб привез на заседание, где меня вполне могли придушить за то, что знаю лишнее. Он сделал это не потому, что хотел подставить и избавиться, просто Глеб с тамошним датчиком правды договорился, с Мегерой. Брюнет убежден, что Мегера оказала ему важную услугу, прикрыла мою ложь. Ну а тем, кому задолжал, не хаят. Именно поэтому он не среагировал на выпад.

Вот только я не лгала, когда говорила, что о коврах и узлах ничегошеньки не знаю, Мегера никаких услуг не оказывала. Зато теперь она в курсе, как Глеб заблуждается на мой счет. Она может выдать меня начальству и вот тогда... тогда мне точно крышка.

Черт! Как все-таки неприятно быть самозванкой!

— Значит, вот что тебя так сильно расстроило... — прошептал Глеб.

Я вздрогнула и во все глаза уставилась на того, кого Арсений назвал высшим инкубом.

— Крис, я... извини.

— Извини? Ты думаешь, обморок спровоцирован твоим молча...

Он снова приложил палец к моим губам, сказал едва слышно:

— Крис, я в курсе, что такая ослица, как ты, никогда не признается.

Кажется, одна самозванка сейчас снова в обморок уплывет.

— Тема закрыта, — припечатал Глеб.

Он поднялся и начал расстегивать рубашку. Весь такой хмурый, сосредоточенный. Я же лежала, смотрела этот будничный стриптиз и офигевала. Нет, конечно, приятно, что он сам меня отмазал, но... черт, я не собиралась его обвинять.

— Крис, не смотри так.

— Что? — Я за всем этим делом слегка из реальности выпала.

— Не смотри так, — повторил шеф. — А то наброшусь. А тебе отдохнуть надо.

Вот теперь в осадок выпала не я, а интуиция. Глеб, который добровольно отказывается от секса, для нее был нонсенсом.

— Кстати, я долго в обмороке валялась?

Вопрос, конечно, глупый. Если учесть, что особняк, где проходило заседание, в пригороде расположен, а квартира Глеба в центре. И вообще, в обморок я падала днем, а сейчас за окном темень — знаю это, несмотря на задернутые шторы.

— Пару минут. Потом тебя Арсений усыпил и мы уехали.

— Как усыпил? Зачем?

— Затем, — буркнул Глеб. — Я решил, что тебе лучше в знакомой обстановке очнуться. И подальше от всяких... уродов.

Все, аут. Полный и беспощадный.

— Крис, спи. Понимаю, что уснуть опять будет трудно, но ты попробуй.

Ага, попробую. Может, после того как проснусь, реальность изменится? Может, очнувшись утром, пойму — никакого заседания не было, Мегеры вообще в природе не существует, а Данилов... черт, а вот с Даниловым разобраться все-таки нужно. Попой чувствую, его дело куда важней, чем кажется.

Кстати, про инкубов тоже выяснить не мешает. А вот от оборотня и «визитки» лучше держаться подальше, а то мало ли...

И еще. Мне показалось или представления Глебовых товарищей о мире несколько... ошибочны?

Заснуть быстро все-таки не удалось. Первой причиной бессонницы был Глеб — уж слишком тесно прижимался, а на любую попытку отползти реагировал как последний собственник, прижимал еще сильнее. Вторым моментом были мысли, и касались они... того же Глеба.

Наверное, это мазохизм, или сдвиг по фазе, или что-то еще, более глобальное. Ведь нормальная женщина не может столь остро реагировать на мужчину, который несколько часов тому... ну, считай, предал.

Нет, разумеется, у брюнета были причины смолчать во время выступления Мегеры, но когда наличие мотива было поводом не дуться? Хуже того, я таки дулась! Мне было больно и обидно, и неприятно, и вообще! Хотелось встать, одеться и уйти, громко хлопнув дверью, но в то же время... дико хотелось Глеба.

Как смогла это желание в себе задушить? Не знаю. Но о том, как кусала подушку, а потом и одеяло — помню отлично.

Утром тело взбунтовалось опять, только в этот раз бороться было проще — прохладный душ! Благо проснулась я раньше зеленоглазого искусителя, и даже из его объятий выбралась без потерь. И уже там, стоя под струями, которые вызывают отнюдь не романтические мурашки, решила — гордость у меня таки есть. Сдаваться гормонам и Глебу я не намерена.

Решение было железобетонным. Из ванной комнаты я выходила с прямой спиной, расправленными плечами и гордо задранной подбородком. Жаль, споткнулась, когда из глубин спальни прозвучало:

— А под халатиком у нас что?

— Ничего! — рыкнула я. Потом сообразила, что именно сморозила, и попыталась исправиться: — Ничего хорошего!

— Да ладно? — протянул брюнет недоверчиво.

Поднялся он раньше, чем я отвернулась, продемонстрировал все свое величие, вместе с полной боевой готовностью. Стало жарко, словно не было никакого душа и вообще.

— Глеб, у нас в девять переговоры. — Надеюсь, достаточно строго прозвучало?

— Помню, — по-кошачьи улыбнулся он и двинулся навстречу. — Поэтому предлагаю тебе перестать вредничать, и...

Радужки того, кого Арсений назвал высшим инкубом, стремительно краснели, а боевая готовность... черт, она же не может возрасти еще больше! Или все-таки может?

— Никакого «и» у нас не будет! — Я развернулась и потопала к гардеробной. — Кстати, а где сумки?

— Видимо, домработница позаботилась.

Фух! Значит, домработница у него все-таки есть и мне не придется драить весь этот пентхаус! Хоть что-то приятное.

Приоткрыв дверь гардеробной, тут же обнаружила всю коллекцию обуви, а также пару коробок, в которые заботливая, но пока незнакомая мне дама переложила остальные вещи. Фен лежал сверху, равно как и расческа. Черт, надо будет разобрать, разложить...

— Крис, тебе не надоело?

Я развернулась, чтобы еще раз пронаблюдать наготу Глеба Игоревича. Брюнет стоял посреди спальни в позе хозяина — ноги на ширине плеч, руки на груди сложены, губы недовольно поджаты. Во взгляде теперь уже красных глаз, читался укор. И не только во взгляде... Тот, второй, тоже сердито выглядел, и... напряженно.

— Глеб, а давай не будем скандалить с утра?

— Давай, — легко согласился он, опять двинулся на меня.

— Глеб!

— А что? Ты знаешь другой способ избежать скандала?

Было жарко, стало еще жарче. Тем не менее я нашла в себе силы ответить:

— Я знаю десятки способов, Глеб.

— Хорошо, уточним вопрос. Ты знаешь другой способ избежать скандала... со мной?

Когда на тебя надвигается мускулистая обнаженная машина, это страшно. Когда предаст родной организм — еще страшней. Благо хоть находчивость проснулась.

— Может, хотя бы душ примешь? Зубы почистишь? А?

Остановился, снова руки на груди сложил.

— А раньше тебя это не останавливало, — хмуро сказал тот, по чьей милости мне теперь опять в душ надо. Причем не обязательно холодный — мне сейчас любой подойдет, ибо вспотела вся. Даже ногти и те, кажется... впрочем, неважно.

— Правила изменились.

— И давно? — вскинув бровь, спросил красноглазый.

— С того момента, как ты меня похитил!

Уголки его губ дрогнули, а глаза... они как будто ярче стали, словно радужки — не радужки, а расплавленная лава.

— Ах вот оно что... — протянуло резко повеселевшее начальство. — Ну ладно. — Потом подмигнуло и добавило: — Никуда не уходи, я быстро.

Не уходи? Ну уж нет!

Едва Глеб скрылся за дверью, я прошмыгнула в гардеробную. Впрыгнула в первые попавшиеся трусики, натянула первый попавшийся костюм. На бюстик пришлось забить, потому как искать тот, который с трусиками сочетается — некогда, а надевать другой — неэстетично. Чулки натягивала уже на кухне, голову сушила там же — благо холодильник стальной и блестящий, при желании вполне сойдет за зеркало.

В процессе побега из спальни обнаружила свою сумочку — она в прихожей, на тумбочке стояла. Так что к моменту появления Глеба я даже накраситься успела! Ну а еще кофе сварить и телик включить.

Собственно, за поглощением кофе и параллельным прослушиванием новостей меня и застукали...

— Вот значит как, — сказал шеф ровно. Он, как и вчера, в полотенце был. И капельки воды на тронутой загаром коже блестели так... соблазнительно.

— Кофе? — Надеюсь, моя улыбка выглядит беззаботно, а?

— Крис, не смешно.

Блин! Мне тоже не смешно! Но есть такие вещи, прощать которые нельзя. По крайней мере не так быстро.

Шеф мои намерения, конечно же, понял, но все равно приблизился. Стульчик, на котором сидела, отодвинул. А присев передо мной на корточки, заглянул в глаза и сказал:

— Крис, розочка моя, ты ведь знаешь, чем твое упрямство чревато.

Я нервно сглотнула и попыталась воззвать к разуму:

— Глеб, у нас переговоры в девять! И вообще...

— Вообще плевать, — тихо сказал он.

Одна рука грубо сжала мое полупопие, вторая скользнула под юбку.

— Глеб, я против!

— Ага, конечно...

— Глеб!

По телу прокатилась волна нестерпимого жара, так что возмущенный вопль плавно перешел в крайне неуместный стон.

— Розочка моя... — Нет, Глеб не подобрел. — Ну вот зачем ты так со мной, а?

А затем, что... черт! Ну ты же меня предал, понимаешь? И унизил! И...

Руки шеф убрал, но не отстранился.

— Правила, говоришь, поменялись? — хрипло спросил он. — Что ж, я тоже не прочь... правила поменять.

Он провел пальцем по моей шее и потянулся к первой из трех пуговиц жакета. Я, вопреки решению не подпускать, выгнулась навстречу и простонала:

— Глеб, пожалуйста...

Не ответил — молча расстегнул первую пуговицу.

— Глеб!

— Он самый, — сказал красноглазый. От хрипотцы, звучащей в его голосе, по телу прокатилась новая волна жара. Или дело в тоне? Слишком ровном, слишком бесстрастном.

Вторая пуговица тоже сдалась на милость победителя, а заодно маленький секрет приоткрыла...

— Мм... ты сегодня развратница, — протянул шеф, скользнув пальцами по лишенной кружевной защиты груди.

Я опять выгнулась, опять застонала.

— Плохая девчонка. Плохая, капризная девчонка, — делано сокрушался шеф, расстегивая третью и последнюю. — И что же мне с тобой делать?

— Понять и простить, — простонала я.

— Не-ет... — протянул... в данный момент красноглазый. — Никогда!

А потом убрал руку, кивнул на расстегнутый жакет и приказал:

— Снимай.

Ужас ситуации заключался в том, что я послушалась. Послушалась, несмотря на то что собиралась не снимать, а наоборот — застегнуть и призвать-таки эту брюнетистую заразу к порядку!

Едва неудобная часть гардероба оказалась на полу, Глеб улыбнулся уголками губ и поднялся.

— Вставай, розочка моя.

И я повиновалась! Мгновенно, безропотно!

— Руку, — снова подал голос он.

И опять слушаюсь. Ведомая Глебом, подхожу к кухонной столешнице, и...

— Обопрись... Нет, ладони чуть дальше... Прогнись...

О, нет!

— Глеб...

— Да, я помню как меня зовут, — прохрипел шеф, задирая и без того короткую юбку.

Очередная волна нестерпимого жара, очередной протяжный стон. Но ужас ситуации даже не в том, что подчиняюсь, а... а в том, что мне нравится. Против того, что творит красноглазый, восстает только разум, но и то исключительно из принципа! Мамочки... наверное, не стоило сдерживаться ночью. Наверное, одержимость Глеба заразна.

— Ох уж эти правила, — прошептал тот, кого Арсений назвал высшим инкубом. — Ох уж эти... правила.

Фейерверк я увидела сразу. Ну то есть вообще сразу, в первую секунду. Как-то не к месту вспомнилась визитка с контактами спецов по звукоизоляции и пожилая пара, которую в лифте встретили. И это все... ну через фейерверк. Одновременно. Стыд, смешанный с наслаждением... бывало, конечно, но не до такой степени.

Глеб замер, дожидаясь, когда волна схлынет. Ласково погладил по спине, потом столь же ласково и спокойно принялся гладить бедра. Ну а когда мое дыхание выровнялось, а вместо многоцветных вспышек перед глазами снова возникла настенная панель с изображением ночного города... вот тогда я не только визитку, я даже телефон той конторы вспомнила!

— Глеб!!!

Абонент был недоступен. Ну то есть вообще. Абсолютно! Он просто делал то, что считал нужным, не спрашивая, не поясняя. Это было приятно, стыдно и невероятно остро. Особую остроту ситуации добавлял тот факт, что Глеб даже не потрудился снять с меня

полоску кружева, просто отодвинул ее, и все.

В общем, из квартиры я выходила краснее свеклы. Из подъезда — тоже. На людей и нелюдей (а в том, что тут не только люди живут, сомневаться глупо), старалась не смотреть. Тщательней всего прятала глаза от охраны и почему-то от водителя.

В офисное здание тоже тихой мышкой вошла. А оказавшись в кабинете, безропотно ответила на поцелуй — очень нежный, почти целомудренный.

Ну и окончательно убедилась в том, что собачник не шутил. Что любовь, которой наградил неожиданный благодетель, не только большая, но и грязная. Более того, она может стать очень грязной, если... черт, ну почему всегда это «если» выпадает?

Вчерашний прогул (а это, несмотря на присутствие на рабочем месте, именно он и был) не прошел даром. Почтовый ящик оказался буквально завален письмами, и стопка корреспонденции, которую вручили на первом ресепшене, ужасала своей высотой. Для настоящей меня это была паника, а для той, «второй», которая разбиралась во всех хитросплетениях рабочего процесса ООО «С.К.Р.», — обычной, ничем не примечательной работой. К счастью, именно «вторая я» за нее и принялась.

Ощущение халявы? Ну... не без этого. Только не будь этих не пойми откуда возникших знаний и умений, меня бы в первый же день раскусили. А если учесть, что мой случай сильно похож на нонсенс... в общем, лучше не заморачиваться.

Я проверяла, согласовывала, утверждала (предварительно, разумеется), отклоняла и злобно ругалась на отдел маркетинга, который профукал сроки по сдаче планов на следующий месяц. Потом опять проверяла, согласовывала, давала советы, как переписать документ, чтобы Глеб его точно подписал. Перешучивалась по электронке с Мариной — той самой, которая про мой красный день календаря напоминала... кстати, Марина оказалась начальником аналитического отдела. В общем, работала, работала и еще раз работала. И с начальством не разговаривала, равно как и оно со мной.

Ближе к полудню мозг начал сбойть. Пришлось послать лесом начальника службы безопасности — он пытался вытрясти из меня дату и время нового собрания рабочей группы, и отправиться за кофе.

— И про меня не забудь, — не отрываясь от монитора, буркнул Глеб Игоревич.

Забудешь про тебя, как же.

Я миновала два ресепшена, возле лифта свернула налево. Прошла по широкому коридору и толкнула последнюю дверь. В общей кухне было непривычно безлюдно, только невзрачная коротко стриженная блондинка у холодильника. Женщина, а на вид ей было лет сорок, доедала йогурт.

— Привет, — ровно поздоровалась я и направилась к нашей с шефом кофеварке.

Женщина не ответила. И я бы подумала, что сделала что-то не то, но интуиция шептала — все верно. Нос я, несмотря на должность и близость к руководству, не задираю, и блондинку, кстати, знаю. Более того, женщина не из числа безликого офисного планктона, она очень важную должность занимает, что-то из серии надзора.

Я успела засыпать в кофеварку зерна и задать программу, когда блондинка таки отмерла.

— Крис, зачем ты так? — и столько настороженности в голосе, столько... страха?

— Как так? — Я резко развернулась и уставилась на собеседницу.

Женщина поджала губы, мотнула головой. Тут же вернулась к поеданию йогурта.

— Вики? — снова позвала я. Черт, все-таки хорошо, что кое-какие знания о новом

рабочем месте у меня имеются. — Вики, что случилось?

— Вот только не делай вид, будто не знаешь. — Она не обвиняла, но обижалась. И действительно боялась, чуть-чуть... — И не говори, что не при делах. Это же из-за тебя, это же ты Глеба попросила.

Настроения кокетничать и расшаркиваться не было, желания выглядеть паинькой в глазах коллеги — тоже. Я вообще злиться начинала...

— Попросила о чем?

Женщина все-таки оторвалась от своего полдника.

— Об отстранении Мегеры, — сказала блондинка.

Мое недоумение было не только искренним, но и очень сильным.

— Каким отстранении?

Блондинка смерила еще одним взглядом, нахмурилась.

— Крис, ты не шутишь? Ты действительно не в курсе?

Настала моя очередь мотать головой.

— Мегеру отстранили от дел, сняли с должности и выслали из страны. — Голос собеседницы звучал очень тихо. — И мы думали, что это ты попросила.

— Когда это произошло? — Собственный голос тоже очень тихо прозвучал, на грани шепота.

Блондинка выудила из кармана выдавших виды джинсов мобильный.

— Уведомление пришло вчера, в девятнадцать одиннадцать, — глянув на экран телефона, пояснила блондинка. — Нового смотрящего еще не назначили.

Кто такой смотрящий, мне было глубоко плевать, а вот все остальное... Семь часов? Черт, быть такого не может!

— И с чего вы взяли, что я к этому причастна?

— Ходит слух, будто Мегера тебе нахамила, — помедлив, призналась женщина. — А ты потом Глебу пожаловалась. Я удивилась, когда узнала — не похоже на тебя. Но факт остается фактом, Мегеру отстранили.

Я тоже помедлила, прежде чем признаться:

— Она хамила, но... в общем, это при Глебе было.

Брови блондинки взлетели на середину лба, в глазах — светло-серых, почти бесцветных — вспыхнуло удивление.

— При Глебе? А, ну тогда все ясно.

Мне, в отличие от нее, ясно не было. Только давать повод для сплетен не хотелось, поэтому подхватив чашки с кофе, я бодро направилась на рабочее место. К шефу!

Он обнаружился за тем же столом, в той же позе, со столь же хмурым выражением на лице. Вот последнее было совсем непонятно — что это? Угрызения совести по поводу утреннего инцидента? Или у меня мания величия на фоне известия о Мегере разыгралась?

— Глеб... Игоревич, — ставя чашку на отполированную деревянную столешницу, позвала я.

Брюнет оторвался от монитора, одарил сердитым взглядом.

Пришлось и свою чашку на стол поставить, а самой приблизиться, опереться на тот же стол и спросить очень мягко:

— Глеб, это правда, что Мегеру отстранили?

Шеф равнодушно хмыкнул и опять к монитору ноута повернулся.

— Глеб, а кто это сделал? — Нет, сдаваться я не собиралась. Как бы там ни было, а мне

очень нужны ответы.

— Я сделал, — отозвался зеленоглазый. Причем так буднично, словно речь о пустяке.

Это и был бы пустяк, если б не одно «но» — в семь я еще спала и никаких обид по поводу молчаливого попустительства начальства тире любовника не высказывала.

[Купить полную версию книги](#)